

ОЛЬГА ВОЛОДАРСКАЯ

НИКАКИХ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ

ОБЕТ
БЕЗ
МОЛЧАНИЯ

Ольга Геннадьевна Володарская

Обет без молчания

Серия «Никаких запретных тем.

Остросюжетная проза О. Володарской»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63802517

Обет без молчания: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-118564-0

Аннотация

Элизабет узнала, что ее дед Клаус, хоть и был благополучно женат на фрау Маргарет, всю жизнь любил другую женщину – русскую по имени Любовь, или, как он ее называл, Либе. Они познакомились детьми в послевоенном Берлине, пронесли чувства друг к другу через годы и умерли почти в один день, велев своим внукам подружиться...

Бетти полетела в Москву. Тогда она еще не знала, что дед скрывал ото всех не только свои сердечные тайны – у него был враг, помешавший им с Либе построить полноценные отношения... И он умер в муках незадолго до того, как мирно скончались Клаус и Любовь. А вскоре в Берлине был убит еще один человек, посвященный в тайну любовного треугольника...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	33
Глава 4	65
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Ольга Володарская

Обет без молчания

© Володарская О., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Памяти дедушки Григория Васильевича,
офицера Советской армии, и бабушки Анны
Сергеевны, которые жили в пятидесятых годах в
немецком городе Альтенбург, посвящается...*

Пролог

Человек умирал...

Долго и мучительно. Боль сначала выкручивала его тело. Ноги и руки сводило судорогой, спина выгибалась, голова запрокидывалась. Человека будто ломал об колено великан. Он кричал от ужаса громко, как ему казалось, но на самом деле ни звука не издавал. Горло сдавил спазм, и изо рта вылетало только сиплое, надрывное дыхание.

В какой-то момент человек понял, что боль ушла из конечностей и они повисли плетью. Спина тоже потеряла чувствительность. Его парализовало? Скорее всего, потому что не ворочалась даже шея. Только глаза остались подвижными, и человек мог смотреть во все стороны. Он вертел ими, ощущая себя заточенным в гроб из собственного тела. Вскоре его положат в другой, уже из дерева, и закопают в землю...

Человек понимал, что его убивают. А благодаря тому, что зрение его еще не подвело, видел, кто это делает, но ничего не мог предпринять для того, чтобы сохранить жизнь. Даже взмолиться. Не говоря о том, чтобы оказать сопротивление. Его уже не спасти. Боль, на несколько секунд отступившая, вернулась, и теперь она раздирала сердце и легкие. Человек горел изнутри. И пламя костра, на котором его сжигали, отражалось в глазах кровавыми всполохами лопнувших капилляров. Но они не мешали человеку видеть своего убийцу.

Тот нависал над своей жертвой и бесстрастно наблюдал за тем, как она умирает.

И вот он, последний вдох. Но без выдоха.

Потом темнота.

Часть первая

Глава 1

Он проживал на тридцать втором этаже небоскреба. Из окна квартиры открывался захватывающий вид на гавань и яхтенную пристань. Жаль, Борис не часто баловал свой взор, потому что очень много работал и когда возвращался домой, то сразу после душа забирался в кровать. А утром соскакивал с нее и бежал в офис, порою отказывая себе в завтраке. Лучше поспать лишние полчаса, чем готовить яичницу или кашу.

Борис последние два года жил в Эмиратах. Квартира его располагалась в Дубай-Марине, престижном районе города. Она не принадлежала ему – апартаменты предоставляла фирма, как и автомобиль бизнес-класса, но Боря редко пользовался им. До офиса ему быстрее было доехать на метро, а полноценные выходные он позволял себе пару раз в месяц. И тогда садился в свой белоснежный «Мерседес» и отправлялся в Абу-Даби. Там было спокойнее, по его мнению, красивее, а еще в столице Эмиратов жила женщина, в которую Борис был влюблен. Звали ее Фати, амбициозная и отлично образованная турчанка, она работала так же много, как и он, поэтому виделись молодые люди реже, чем им хотелось бы,

но раз в неделю обязательно. Иной раз только для того, чтобы вместе пообедать и подержаться за руки. Благо от Дубая до Абу-Даби езды полтора часа, а у Фати тоже имелось шикарное авто.

Она трудилась юристом. Борис – программистом. Ему платили значительно больше, и Фати считала – это потому, что он мужчина. На самом же деле в технологичный век люди его профессии более востребованы. Тем более в городе будущего, Дубае. Но Боре рады были бы где угодно. Предлагали работу и в Штатах, где он стажировался, и в Сингапуре, но его поманил Ближний Восток.

В Дубае Боря бывал и до этого. Приезжал в гости к другу, с которым сблизился в Америке. Его звали Али. Внучатый племянник шейха Шаржи, толковый, но легкомысленный парень, слыл любимцем кузин, тетушек и бабушек, но у эмира был не в почете. Али отказался учиться на финансиста, предпочтя этой уважаемой профессии несерьезную – дизайнера интерьеров. И то, что он оформил ресторан в Сити-Этле и модный клуб уже на родине, в ОАЭ, ничего не изменило. Шейх считал внучатого племянника вертопрахом, прожигателем жизни. Тот, надо отметить, во многом отвечал данной ему характеристике. Любил тусить, тратить, пить, гулять, но... Али был очень талантливым декоратором, а когда работал, отдавался делу на сто процентов. Боря считал его своим корешом. И когда он только переехал в Дубай, приятели часто проводили время вместе: на яхтах, в клубах, в пу-

стыне, гоняя на квадроциклах. Но Боря через пару месяцев понял, что нужно выбирать между работой и веселым досугом, и отдалился от Али. Тот не обиделся, все понял, а вскоре женился на чудесной девушке, которую выбрал для него отец. Через десять месяцев в семье появилось пополнение, дочка Лейла. И ее рождение Али отмечал не только с семьей, но и с многочисленными друзьями. На одной из вечеринок присутствовал и Боря. То есть они остались корешами, что не могло не радовать.

Борис встал с кровати, на которой валялся, и подошел к окну. Хотел полюбоваться наконец панорамой, чтобы отвлечься от грустных мыслей, но... Не смог отвлечься и, как следствие, полюбоваться. Этому еще и слезы помешали. Они застилали глаза, и всегда четкая, насыщенная цветами и формами картина превратилась в бездарную абстракцию. Боря плакал третий раз за свою взрослую жизнь, а она у него началась в пятнадцать, когда умер отец.

Он был настоящим главой семьи, работающим, ответственным, внимательным ко всем: жене, сыну, дочери, теще, которая жила с ними, а точнее, они с ней. Когда папы не стало, Боря, поплакав над его гробом, решил, что пришла его пора становиться взрослым. Теперь он, как единственный мужчина, должен взять ответственность за семью. А еще достроить загородный дом, о которой мечтал папа, но успел только коробку возвести. Думал, встретить в нем с супругой старость, но умер от инфаркта, не дожив до сорока пяти.

С тех пор прошло тринадцать лет. Борис достроил дом, куда перевез маму и дал ей возможность не заботиться о хлебе насущном, выдал сестру-погодку замуж, свозил бабушку в Германию, где ей заменили сердечный клапан. Он выполнил свой долг главы семьи, и это ему нелегко далось. Нужно было еще и своим развитием заниматься: доучиваться в школе и работать, получать высшее образование и работать, стажироваться в Америке и работать, так как денег стажеры не получали, только жилье, неограниченное количество кофе и, что самое главное, бесценный опыт.

В двадцать пять Борис немного выдохнул, но ненадолго. Оказалось, что он сам ничегошеньки не нажил, кроме опыта, как жизненного, так и профессионального. У него никакой собственности. В их трешке по-прежнему многолюдно. Сестра с мужем и дочкой-крохой переехали в нее, потому что устали мотаться по съемным. Бабушка жила то с ними, то с дочкой за городом. Хотела бы освободить квартиру для молодой семьи, да хворала часто, а хорошая поликлиника располагалась в их дворе.

И Боря снова ринулся в бой. Заключив трехгодичный контракт с одной из ведущих строительных компаний Эмиратов, он обеспечил себе не только комфортное настоящее, но и безбедное будущее. Его зарплата исчислялась тысячами долларов, а тратил он меньше половины. Плюс премии, которые считал неприкосновенными. За первый год Борис смог скопить на своем депозите сто кусков. Их уже хватало

на квартиру в Москве, пусть и скромную. А если вложить в стройку, то можно рассчитывать на прекрасные апартаменты, которые как раз будут готовы к возвращению в Россию. Но Боря не знал, захочет ли этого. Поэтому не торопился. Его деньги копились и были надежно защищены. Быть может, когда закончится контракт, он женится на Фати, они вместе переедут в Турцию, где приобретут квартиру в Стамбуле и дом на побережье. Она родит ему детишек, а он будет с ними сидеть, когда жена работает, доказывая всем, что женщина создана не только для того, чтобы производить потомство и хранить домашний очаг.

...Зазвонил телефон. Боря глянул на экран. Али.

– Привет, – бросил Боря в трубку, приняв вызов.

– На пиво нет? – ответил ему друг по-русски. Он заучил множество расхожих фраз, а также матерных слов.

– Как дела?

– Пока не родила.

Боря рассмеялся, невзирая на то, что ему было невероятно грустно.

– Ты куда пропал? – перешел на английский Али. – Не звонишь уже несколько дней, а когда мы виделись последний раз, я даже не могу вспомнить.

– Недавно. На вечеринке, устроенной тобой на яхте по случаю рождения Лейлы.

– Она была три месяца назад.

– Надо же, как время летит, – пробормотал Боря. – Ты

извини, кореш, – это слово Али, естественно, выучил одним из первых и произносил без акцента, – я весь в работе погряз. Рабом себя не назову, ведь мне отлично платят, но вольным человеком себя тоже не ощущаю.

– Кореш, что случилось? Ты никогда не жаловался...

– Этим утром умерла моя бабушка.

– Пусть Аллах упокоит ее душу. Я скорблю вместе с тобой. – Это он сказал по-арабски, но Боря его понял. – Чем могу помочь?

– Увы, ничем. Я даже напиться с горя в твоей компании не могу – мне вставать утром, чтобы ехать в Аджман. Новый квартал «умных домов» сдастся в конце этого месяца, и мы впахиваем по десять-двенадцать часов.

– Ты не поедешь на похороны? – удивился Али.

Он знал, как Боря любит бабушку. Да и в последний путь проводить ближайшего родственника – это святое.

– Не могу. Не отпускают.

– Даже на пару-тройку дней?

– После сдачи объекта хоть на неделю. Я ведущий специалист, и вся ответственность за «ум» квартала на мне. Но я мог бы поручить многое своему заму и контролировать его дистанционно.

– Ты сказал об этом боссу?

– Конечно. Но он ничего не хочет слушать. Тычет меня мордой в контракт, в котором нет пункта о том, что я могу потребовать отпуск на случай смерти ближайшего родствен-

ника. Попросить – да. Но в данный момент мое отсутствие может отрицательно сказаться на делах фирмы. Так что... – Боря резко замолчал, потому что понимал – еще слово, и голос задрожит. А он не хотел проявлять слабость даже перед корешом.

– Борис, я отключусь на некоторое время, мне пару звонков надо сделать. Я наберу, как только освобожусь. Хорошо?

– ОК, кореш. Звони в любое время, не знаю, смогу ли сегодня уснуть.

Закончив разговор, Борис швырнул телефон в кресло и отошел от окна. Пометался между спальней и кухней. Выбрал ванную комнату. В ней установлено шикарнейшее джакузи, а он в ней лежал пару раз, и всегда с Фати. Сейчас ему не помешает расслабляющая ванна. Борис пустил воду, бросил ароматной соли. Но когда джакузи наполнилось, а это произошло за считанные минуты, он в нее не полез. И вино, что налил себе в хрустальный бокал, вылил в раковину. Он не хочет любоваться панорамой Дубай-Марины, нежиться в пене, смаковать выдержанное «Совиньон», потому что все это уместно в минуты довольства жизнью. А Боре плохо. Он страдает, и его могло бы отвлечь действие. Если бы большой босс отпустил его, он уже сидел бы в аэропорту в ожидании рейса, а утром был дома. Там мама, сестра с мужем, племянница и... бабуля. А если точнее, ее тело. Старикам не делают вскрытие, если смерть ненасильственная, и позволяют родственникам решать, где они хотят оставить тело до погребения.

ния: в специальных «скорбных» местах или дома. Бороина родительница и его сестра решили, что бабушка до последнего останется в квартире, где выросла и она, и ее дочь, и внуки...

У нее было чудесное имя – Любовь. Или, как ее называли в семье еще в те далекие времена, когда в проекте не было ни то что Бори, но и даже его мамы, Либе. Отец бабули прошел всю войну, был адъютантом самого маршала Жукова, а в пятидесятых с семьей жил в ГДР несколько лет. Он очень хорошо знал немецкий, учил этому языку и жену, и дочь. Первая противилась. Ей не нравилось, как он звучит, она считала немецкий агрессивным. Да и на кой он ей? Живут на советской стороне Берлина. Если фрицы хотят общаться с победителями, пусть осваивают русский. А Любочка запоминала все слова и выражения. Она еще до переезда в ГДР могла худо-бедно вести диалог. А уж как обосновались в Берлине, так начала шпарить по-немецки не хуже детей дипломатов, что в спецшколе обучались. В освоении немецкого, кроме отца, ей помогал местный мальчишка, с которым она очень сблизилась. Ганс, кажется. Или Хайнц. Он перевел ее имя на родной язык – Liebe, а за ним подхватили мама и папа. Так Любочка и для своих стала Либе.

Семья вернулась в СССР в пятьдесят пятом. Бабушке тогда было четырнадцать (она родилась первого июня, а двадцать второго началась Великая Отечественная война). Через четыре года Либе поступила в МГИМО. По окончании вуза работала переводчиком. Замуж вышла по тем временам

поздно, в тридцать. Родила дочь. Супруг был значительно ее старше, чуть ли не вдвое, имел не только сына от предыдущего брака, но и внуков. Поэтому Любочка рано овдовела и больше замуж не вышла. А могла бы. У нее всегда имелись поклонники. Либе с возрастом не утратила ни очарования, ни стройности, ни легкости нрава. Когда лежала в больнице, где ей оперировали сердце, шутила с медперсоналом и отвечала на заигрывания одного из пациентов. Губки подкрашивать также не забывала. И казенный халат из простенького ситца драпировала богатыми шаями или накидками, что привезла из дома.

Либе обожали все члены семьи. Не только кровные родственники: родители, дочь, внуки, – но и зять, муж Бориной сестры Дашутки. Оба жили на ее территории, но не тяготились этим. Правда, немного Любовь Васильевну побаивались. Бабуля не терпела не то что крика, даже разговоров на повышенных тонах. В ЕЕ доме никто не смел ссориться, только решать спорные вопросы путем цивилизованного диалога. А еще нельзя без спроса трогать вещи Либе. Каждая была неприкосновенной.

...Снова затренькал телефон. Звонил Али. Оказалось, что прошло уже больше получаса с того момента, как они закончили разговор.

- В Аджмане тебе во сколько нужно быть? – спросил друг.
- В девять.
- Приезжай к семи, бери помощника. Раньше начнете,

раньше закончите.

– А куда мне торопиться?

– На самолет. Тебя отпускают на три дня. Все они будут твоими, если вылетишь завтра же. Но вернись обязательно к сроку, я за тебя поручился.

Боря понял, что Али обратился к эмиру, чтобы тот похлопотал за него. Поступок настоящего друга.

– Кореш, спасибо тебе огромное! – с чувством проговорил Борис. – Ты не представляешь, как для меня важна эта поездка...

– Я тоже обожаю свою бабушку. И когда Аллах заберет ее душу, я прилечу из любой точки мира, чтобы проститься с ней.

– Надеюсь, я успею. Сейчас высокий туристический сезон, и билетов на прямые рейсы может не быть.

– Я тебе не все еще сказал. В Москву ты летишь из аэропорта Шаржи на личном самолете шейха.

– Ты серьезно?

– Нет, блин, – «блин» прозвучало по-русски, – шучу в такой неподходящий момент.

– Но как тебе удалось уговорить своего сиятельного родственника одолжить самолет? Ты же у него в немилости.

– Он подобрел по отношению ко мне. Я теперь женат, у меня ребенок. Дурю меньше, работаю больше. Но с самолетом просто удачно вышло – как раз завтра доверенные лица шейха летят в Москву. Так что не переоценивай мои стара-

ния.

– Все равно я безмерно тебе признателен. Даже не знаю, чем смогу отблагодарить...

– Матрешку привези. Лейла подрастет, играть с ней будет.

На том и распрощались. А в шесть часов вечера следующего дня Боря улетел в Москву.

Глава 2

На похоронах плакали все, кроме Бори. Зато на поминках он единственный напился. Мама была в шоке. Ее Борюся даже в шальные студенческие годы ни разу не показался ей на глаза не только бухим, она от него и запаха никогда не улавливала. Она искренне верила в то, что сын совсем не пьет. Как-никак в ОАЭ живет и работает, где сухой закон.

– Почему сухой? – заплетающимся языком вопрошал Боря. – Очень даже мокрый. В эмирате Аджман, где мы строим квартал будущего, есть аж два алкомаркета. Гастарбайтеры из Пакистана и Индии устают очень, им надо снимать напряжение, вот для них их и открыли. Да еще для русских. А в Дубае хоть залейся вином. Только дорого...

– То есть ты начал пить? И кто тебя этому научил? Внучок шейха?

– Али не тронь. Он мой кореш. И если бы не он, меня бы тут не было.

– Спи уже, алкаш. – Его пытались уложить уже не первый раз, но Боря вскакивал и метался по квартире, что-то ища. Что – он сам не знал.

– Да не пью я, мам. Просто хреново мне, грустно, вот и развезло с трех рюмок.

– А почему тогда так плохо выглядишь? Худой, мешки под глазами.

– Работаю много, устаю.

– Зачем же надрываться?

– Чтобы заработать денежку.

– Да тьфу на нее! Все у нас есть: квартира, дом, гараж.

Можешь продать что-то, разменять, и у тебя будет свое жилье. Не рви ты жил, сынок.

– Ничего продавать и менять мы не будем. Квартира – сестре. Дом – тебе. Гараж – Витьку, – так звали зятя, и он был неплохим автомехаником. – А себе на жилье я как-нибудь заработаю.

Боря еще что-то бормотал, но вскоре уснул, а когда пробудился, был ясный день. В квартире – тихо. Сестра Дашка с мужем Витей на работе, их дочка в садике, а мама, наверное, ушла в магазин: она вчера сетовала на то, что в холодильнике нет нормальной еды, одна дрянь, типа сосисок да йогуртов.

Голова, как ни странно, не болела. Боря, сходя в уборную, прошлепал в кухню, глянул на часы на микроволновке – они показывали половину десятого. Не день, но утро в самом разгаре. Отоспался так отоспался. Вот и не болит голова. Дрых больше полусуток.

Боря налил стакан воды, залпом выпил и включил чайник. Голова не болела, а сушняк все же был. Хотелось сладкого каркаде – он присылал сестре отборный, приобретенный на рынке Омана. Пока грелась вода, Боря изучал холодильник. Думал, что из той дряни, лежащей в нем, съесть. Выбрал творожный сыр. Намажет его на тост, накроет долькой помидо-

ра и за милую душу слопаёт. Да, с бóльшим удовольствием он бы поел молочной каши или лапши, но готовить Боря не умел.

Сунув хлеб в тостер, он отправился в ванную. Надо умыться и зубы почистить, а то глаза заспанные, а во рту, как говорится, кошки нагадили. Выдавливая пасту на щетку, Боря смотрел на свое отражение. Да, права мама, выглядит он не ахти. Что похудел, это неплохо. Полным Борис не был и раньше, но жирок имел. А все потому, что мало двигался. Работа сидячая, а спорт – это не для него. В результате щечки и складочка на пузе. Сейчас же ни того, ни другого. Он идеальная вешалка: подкачаться немного, и можно на подиум выпускать. Рост сто восемьдесят пять, вес семьдесят семь. Три кило мышечной массы набрать, и станет как Криштиану Роналду.

Но тот загорелый, пышущий здоровьем, а Боря бледный, даже чуть синеватый. Не скажешь, что живет на берегу Персидского залива. Впрочем, почти все европейцы, работающие в ОАЭ, выглядят так же. Выйдя из офиса, прыгают в машину, едут домой, развлекаются в гигантских торговых центрах, моллах, где, кроме привычных ресторанов и кинотеатров, имеются выставочные комплексы, аквапарки, океанариумы, даже искусственные снежные склоны.

Как это ни странно, Борова бледность и новообетенная худоба на Ближнем Востоке считались привлекательными. Ее увеличивали светлые волосы и бледно-голубые глаза. В

Америке он не котировался: там ценились накачанные и загорелые, с улыбкой от уха до уха, а Боря был сдержан в эмоциях. Но в Эмиратах его иначе воспринимали. На него заглядывались женщины, а мужчины ревновали их к нему. Фати как-то обмолвилась, что ей завидуют подружки. Она умудрилась отхватить не только успешного, но и невероятно красивого парня.

Вспомнив об этом, Боря хмыкнул. Если он сейчас выйдет во двор, на него никто и не посмотрит. Подумаешь, белобрысый дрищ! Вот если бы он прикатил на своей тачке, тогда другое дело...

Тостер пиликнул. Борис вернулся в кухню, поел, но без аппетита. Сыр оказался невкусным, каким-то пластмассовым, а чай не подвел. Попивая его, Боря вернулся в комнату. Что-то не давало ему покоя.

Плюхнувшись на диван, он понял – семейный архив! Вчера он мотался по квартире в поисках. Бабуля хранила его у себя в комнате (в ней он и спал), перекладывая с места на место. То он в столе лежал, то на антресолях, то в диване, в ящике для подушек. Боря вчера все проверил, но искомого не обнаружил. Может, спяну? Он встал, отодвинул лежанку. Ничего, кроме старых сапог. Либе не позволяла выкидывать и их. Кожаные, на толстом натуральном меху, они казались ей невероятно ценными. Дочка щеголяла в них в детстве по дому, но на улицу не выходила: когда доросла до каблука, ее нога переросла тридцать пятый размер. Да и устарели са-

пожки. Внучка тем более не собиралась носить старье даже дома. А выкинуть не могла – бабуля запрещала.

«Теперь все отправится на помойку, – подумал Борис. – Не только башмаки и этот диван, а вся мебель Либе, ковры, занавески, обои... Останутся только фарфоровые немецкие тарелки да фигурки. Они имеют хоть какую-то материальную ценность. Остальное – хлам. И от него, конечно, пора избавиться, но... Так жаль!»

Боря понимал, что это глупо. Он сам, живи в этой квартире, сделал бы то же самое. В комнате Либе нет антиквариата, обычное старье. Но когда оно переключается на свалку, а пол, стены и потолок будут покрыты новыми современными материалами, не останется бабушкиного духа. Только память о ней, да и она вскоре иссякнет...

Он снова загрустил, но тут зазвонил телефон. Это Фати желала с ним поговорить.

Едва они начали диалог, как раздался мамин голос:

– Сынок, ты встал?

– Да, – ответил он.

– Как себя чувствуешь?

Боря вышел в прихожую, держа телефон у уха. Мама, которую звали Марией – только так, без фамильярных «Маш», – разувалась, у ее ног стояли пакеты из супермаркета.

– Ой, извини, я не знала, что ты разговариваешь, – зашептала она, увидев сына. – Приготовлю тебе поесть. Что хо-

чешь?

– Я завтракал, – ответил ей Боря и вернулся в комнату, чтобы закончить разговор.

Через пару минут он распрощался с Фати. Они договорились, что она приедет за ним в дубайский аэропорт. В этом не было необходимости, Боря добрался бы на метро или такси, но Фати хотелось этого, да и ему тоже. Это же так приятно, когда тебя кто-то встречает.

– Борюся, я тебе все же оладушков напеку, – сказала мама, завидев сына в дверях кухни. – Пышных, как ты любишь. Со сметаной. Или блинчиков на скорую руку сварганить?

– Я тосты поел, не хочу.

– Значит, мучного с тебя хватит. Нужно мясного. Котлеты? – Она показала упаковку охлажденного говяжьего фарша.

Он закивал, но тут увидел кочан капусты и воскликнул:

– А можно голубцы? Согласен на ленивые.

В Эмиратах он часто ел бифштексы, кебаб или бургеры с котлетами из рубленой говядины, но голубцы... Все с той же сметаной... О них он и думать забыл там, на Ближнем Востоке.

– Нет, давай уж классические сделаю. Сын в кои веки приехал, должна я его порадовать.

– Спасибо, мамуль. – Он чмокнул ее в щеку и налил себе еще воды. Сушняк не проходил. Или это «пластмассовый» сыр был слишком солен, и после него хотелось пить.

– Так как ты себя чувствуешь?

– Хорошо.

– Опохмелиться не хочешь?

– Нет, – хмыкнул Боря. Мама все еще не была до конца уверена в том, что он не стал пьяницей.

– Кто тебе звонил?

– Девушка.

– Фати?

– Откуда ты знаешь ее имя? – удивился Борис.

Он не рассказывал о своей личной жизни членам семьи.

– От Дашки. Она, поскольку ты у нас партизан, изучила твои соцсети и вычислила ее. Показывала мне твою Фати – красивая.

Да, девушка на самом деле была очень хороша собой, но чуть полновата. Борю это не смущало, а Фати страдала от того, что ее фигура далека от модельной. О размере S и не мечтала, ей хотелось носить хотя бы M, но даже L ей бывал маловат. А после XL заканчивалась размерная сетка всех известных брендов. Фати изводила себя диетами, но все равно не худела, разве что больше не поправлялась. Боря считал, это тоже результат, а еще говорил, какая она красивая, вся такая налитая, гладенькая, пышная. Ему нравился ее небольшой животик, круглые коленки, роскошная грудь. Смуглая Фати напоминала ему булочку с корицей. Ее так и хотелось укушать...

– Ты ее любишь? – услышал он мамин голос.

– Кого?

– Фати свою.

А он почему-то подумал о булочке с корицей и карамелью, дуралей. Ею он полдничал, запивая крепким кофе.

– Да, – ответил Боря и это относилось к обеим: девушке и булочке.

– Как-то неуверенно ты это сказал.

– Я неуверенный алкаш, что поделать!

Мама со смехом от него отмахнулась и взялась за готовку. Промыла капустный кочан, выложила фарш в миску, достала лук, морковь, поставила на плиту воду для риса.

А Боря уселся на табурет и стал смотреть, как она шустрит. Родительница, имея мужа и двух детей, а еще матушку, которая не утруждала себя бытовыми хлопотами, научилась не только вкусно, но быстро и аккуратно готовить. За полтора часа она умудрялась сварить первое, второе и компот и не устроить при этом беспорядка. После обедов-ужинов членам семьи оставалось только тарелки и приборы помыть – этим обычно занимались дети. На папе была мужская работа по дому, Либе же позволяла себе лениться, считая, что она достаточно много сделала для семьи, может и отдохнуть.

Снова вспомнив о бабушке, Боря спросил:

– Мам, а где наш семейный архив? Я искал, но безрезультатно.

– В комнате Дашки. Кажется, в нижнем ящике комода.

– Почему там?

– За пару дней до смерти Либе позвала ее к себе, велела сесть и послушать. Напомнила, где лежит ее похоронная одежда, а также деньги...

– Она что, плохо себя чувствовала?

– Физически как обычно, но как будто хандрила. Постоянно перебирала старые фотографии, перечитывала письма. Пластинки слушала с немецкими песнями – старый проигрыватель она тоже запретила выкидывать, хотя он заедал, а исцарапанный «винил» не передавал чистоту музыки и голоса. – А еще киршвассер на ночь выпивала...

Это было серьезно! Сей крепкий алкогольный напиток со вкусом вишни Либе любила, но позволяла себе крайне редко. Он был тяжел для желудка, и от него болела голова. Но киршвассер напоминал ей о любимой Германии, поэтому бабушка окончательно от него не отказывалась. В детстве она стянула у своего отца початую бутылку, и они с ее другом, то ли Гансом, то ли Хайнцем, так напробовались настойки, что уснули пьяными во дворе. Им было лет по тринадцать, и нагоняй получили оба, но больше Либе, ведь именно она умыкнула из дома алкоголь. С тех пор киршвассер ассоциировался у нее с запретным плодом, который, как известно, сладок. Не с яблоком, как водится, а с вишней, точнее, черной черешней. Поэтому не имеющая вредных привычек бабушка если пила, только киршвассер. По праздникам не шампанское, а тоже его, три, четыре стопочки. После пяти ей становилось дурно. Но в последние годы Либе и от пары рю-

мок плохо себя чувствовала, поэтому позволяла себе лишь одну на Новый год и дни рождения.

Портфелю, в котором хранился семейный архив, было втрое больше лет, чем Борису. Его привез из Германии в качестве трофея прадед Василий, ветеран Великой Отечественной, боевой офицер. Подобрал на развалинах Берлина, отряхнул от пыли и грязи и взял себе. Портфель был шикарным, из кожи крокодила, с медными кнопочными застежками – такому грех пропадать. Прадед планировал подарить его своему старшему брату, начальнику цеха на заводе, выпускавшем легендарные «катюши», да тот умер от инфаркта до того, как Василий вернулся на родину. И остался портфель у него. Без дела лежал, хотя можно бы продать, но он был дорог как память, это раз, и два – семья особо не нуждалась. В те времена все жили скромно и могли довольствоваться малым. А Василий – офицер. Он ушел на фронт младшим лейтенантом, а вернулся майором. Зарплату деньгами почти не платили. Облигациями займа в основном, зато давали отличные продуктовые наборы. Потом семья уехала в Германию, а по возвращении прадед, уже полковник, получил квартиру, ту самую трешку, в которой выросла и мама Бори, и они с сестрой, пенсию, так как ушел в отставку, но все равно работал. Первое время преподавал в высшем военном училище. Но оттуда его попросили, поскольку Василий академию окончить не успел: с третьего курса был призван на фронт. И стал он учить безопасности на случай вой-

ны школьников. Во времена юности Бори этот предмет назывался ОБЖ, а в шестидесятые – поди знай.

Даже тогда по семейной легенде Василий портфель не носил, хотя работал преподавателем, и это было бы логично. Либе говорила, что он его жалел. Ученики те еще... нехорошие ребята! Могли даже полковнику, боевому офицеру, тухлое яйцо в сумку подкинуть, а на стул кнопку. Они так шутили, и он их жалел, не наказывал, а просто журил. Он был очень добрым человеком. Понимающим. Бабушка говорила, что Борин отец только тем ей и понравился, что был немного похож на Василия характером.

– Пойду поищу портфель, – сказал он маме и отправился в комнату сестры.

Долго рыться в комоде не пришлось. Архив лежал в нижнем ящике, поверх старых простыней. Их уже не стелили на кровати, но и не выкидывали. Мама с сестрой использовали их в качестве тряпок, когда делали уборку.

Боря достал портфель, раскрыл его. Первое отделение оставил в покое: там прадедушкины боевые ордена и медали, дедушкины значки, бабушкины побрякушки, среди которых были и золотые, но не особо ценные. Такие на лом разве что сдать. Борю интересовало отделение с бумагами. Там фотографии, открытки, письма. В детстве он обожал вместе с Либе перебирать эту «макулатуру», в отличие от сестры Дашки. Она отлынивала от этого занятия, да и бумажный архив обозвала макулатурой именно она. А вот бабкины украше-

ния примерять любила.

Первым делом Борис достал фотографии. Старые, выцветшие, потрескавшиеся и оборванные. На них родители Либе, она с ними, одна, с друзьями из института, с мужем, с маленькой дочкой в коляске. Те снимки, что делались позже, хранились в альбомах. Боря перебирал карточки и отмечал, что помнит каждую из них. В те годы фотографировались редко, несколько раз в год. И вдруг он наткнулся на один снимок, который ему раньше не попадался. На нем Либе-подросток, хорошенькая, нарядная, едва начавшая формироваться девочка-девушка лет тринадцати. А с ней рядом пацан: белобрысый, ушастый, одетый в какое-то шмотье и все равно симпатичный. Было что-то в его улыбке обезоруживающее. А как уверенно он держал Либе за руку! И это ее, принцессу в платье с пышной юбкой, изящных туфельках, с ободком, похожим на корону. А он просто рвань: штаны короткие, башмаки стоптанные, рубаха с чужого плеча. Да еще и ниже ее на полголовы.

Боря перевернул фото. Либе подписывала все фотографии, и на обороте этой значилось: «Я и Клаус. Май 1955 г.».

Клаус? Кто это? Она вроде бы дружила с Хайнцем или Ганцем?

– Мам, – крикнул Боря. – Можно тебя на секунду?

Мария вбежала в комнату, вытирая руки о перекинутое через плечо полотенце.

– Что?

– Немецкого друга бабушки как звали?

– Не помню. А что?

– Да тут новая фотка обнаружилась. – Он показал ей снимок.

– Странно, я раньше ее не видела, – пробормотала Мария. – Но это он, тот мальчик. Либе таким его и описывала. Клаус, значит. А фамилия его Хайнц. Ее я помню, потому что, когда в девяностые появились кетчупы и майонезы под этой маркой, я спросила у мамы, а не является ли ее давний друг наследником империи.

– Компания американская, так что вряд ли.

Мария повела носом.

– Что-то горит. – Она снова метнулась на кухню и уже оттуда прокричала: – Я забыла тебе сказать, что дней пять назад звонила внучка этого самого Клауса Хайнца!

– Кому? – Боря наткнулся на толстую тетрадь в бархатном переплете, которой тоже раньше в портфеле не было.

– Нам, сюда, в квартиру. На городской телефон.

Либе не позволяла его отключить, и аппаратов было два: один стоял в прихожей, второй в ее спальне.

Отложив бархатную тетрадь, Боря последовал за матерью.

– И что она сказала?

– Меня тут не было, трубку взяла Дашка. Услышала женский голос, молодой. Звонившая представилась Элизабет.

– Хайнц?

– Нет, конечно, она же внучка. Фамилия другая, англий-

ская вроде бы. Так вот эта девушка сказала, что ее дед скончался, а перед смертью огласил свою волю, и пожелал он, чтобы Элизабет приехала в Москву – познакомиться с семьей его давней подруги Либе, а особенно с тобой, ее внуком. Не знаю, почему, но девушка назвала твое имя – Борис.

– Она по-русски говорила?

– Да, но плохо – Дашка половину не поняла. Решила, что та через переводчик зачитывает, но сказала: милости просим. Элизабет поинтересовалась здоровьем Либе. Та была еще жива, и твоя сестра сообщила, что все более-менее хорошо. Разговор оборвался из-за того, что трубка радиотелефона разрядилась. Элизабет не стала набирать наш номер вновь, а ее на нашем аппарате не определился. – Мама отставила кастрюлю, сняла с нее крышку и стала колдовать над едой дальше: что-то доливала, досыпала, помешивала. – А на следующее утро Либе отдала богу душу, и всем стало не до внучки герра Хайнца. Я вспомнила о ней только сейчас, после того, как ты мне старое фото показал. Интересно, она все еще собирается в Москву?

– Даже если так, я ее не увижу. Придется Дашке встречать заморскую гостью.

– Нам с ней – я пока в городе поживу. Как ты думаешь, приедет эта Элизабет?

– Скорее нет, чем да. Поддалась порыву, позвонила. Немцы и англичане – а внучка помесь – мало эмоциональны и довольно прижимисты. Элизабет придется потратиться на ви-

зу, причем срочную, а она дороже, билет, проживание, питание... Нет, я думаю, не прилетит. Иначе перезвонила бы.

И тут затренькал городской телефон. И мать, и сын замерли. На него звонили только Либе, и то нечасто. У всех бабушек имелись сотовые, а своей Боря такой купил еще в 2006 году. Он, кстати, с тех пор работал, Дашка в нем лишь аккумулятор поменяла.

– Это она, – заявила мама уверенно.

– Элизабет? – зачем-то переспросил Боря, хотя подумал о том же.

– Иди поднимай трубку.

Он послушался. Нажав на кнопку приема звонка, сказал:

– Алло.

– Здравствуйте, – прозвучало в ответ. Голос женский, молодой. – Меня зовут Элизабет Олдридж. А вас?

– Борис Грачев.

– Внук Либе? Очень приятно. Как ваша бабушка?

– Скончалась.

– Горюю вместе с вами, – выдала она. Скорее всего, мама права, и девушка пользуется переводчиком в телефоне. Боря хотел ей предложить перейти на английский, но тут услышал: – Я в Москве. Взяла такси. Еду к вам. Адрес знаю. Вы можете меня встретить?

– Да, конечно, – растерянно проговорил Борис.

– Через час. Спасибо.

И она отключилась.

Глава 3

Кирилл Ханов по прозвищу Хан с раннего детства увлекался коллекционированием. Жили они бедно, и он собирал фантики от конфет и жвачек, некоторые из которых подбирал на улице. Иногда в урну руку запускать, если видел что-то заслуживающее внимания. Экспонаты ничего не стоили и не обменивались, просто грели ему душу. Хан родился в конце семидесятых годов прошлого века, при СССР, и тогда все ели «Маску», «Арию», по праздникам «Мишку на Севере». Жевали «Мятную» или «Апельсиновую» жвачку, а те, у кого родители бывали за рубежом, «бабл гам», или, как тогда говорили, «бубль гум». Кирилл, правда, в своей коллекции имел и редкие экземпляры фантиков, потому что жил в центре Москвы в шумной и густо населенной коммуналке на Сретенке, и не брезговал урнами, куда иностранные туристы выбрасывали обертки от конфет и жвачки.

Коллекция эта сохранилась до нынешних времен – в память о прошлом, как и все остальные. Кирилл охладел к фантикам в первом классе школы – посчитал, что перерос их. Смысл коллекционирования ведь не только в том, чтобы собрать экспонаты, но и похвалиться ими, поделиться... Обменивать, в конце концов (о продаже тогда речи не было). И Хан переключился на значки. Идея собирать их пришла к мальчику в тот момент, когда ему прицепили на лацкан школьно-

го пиджака звездочку – приняли в октябрята! Это было волнующе и до, и во время, и после. Все первоклашки мечтали вступить в пионерскую организацию и боялись, что, если будут плохо учиться или вести себя, их не примут. А первый шаг на этом пути – стать октябренком. Они были милыми, наивными детьми. А как трепетно относились к своим звездочкам!

Хан гордился тем, что собрал если не все, то большинство...

Значок октябренка первой волны, изготовленный в 1923-м. Тот, что при Сталине вручали. Латвийский, грузинский, таджикский, немецкий – в ГДР ребят тоже принимали в организацию. Эта коллекция Хана уже ценилась, но не так высоко, чтобы ее продать.

То ли дело ордена! Кирилл собрал их не так много, как значков, а тем более фантиков, но расстался с ними с легкостью, оставив на память всего пару не самых ценных экземпляров. Если бы не нужда, коллекция осталась бы при Хане. Но он устал жить в коммуналке, захотел отдельную квартиру, пусть и не на Сретенке.

Продав ордена, он переехал на северо-западную окраину столицы. Приобрести себе смог только однушку без ремонта, но был рад и ей. Тогда думал, что продешевил, но оказалось – выиграл. Спрос на ордена времен Великой Отечественной упал уже в конце девяностых, зато цены на недвижимость в Москве взлетели.

А неугомонный коллекционер переключился на ножи, и тоже неспроста.

Мать Кирилла, Елизавета, была крайне странной женщиной. Пожалуй, не совсем нормальной, но диагноза ей не ставили, поскольку к психиатрам никто не обращался, ни ее родители, ни она сама, ни ее гражданские мужья, ни дети.

Лиза родила Кирилла в тридцать. От кого, неясно, замужем она ни разу не была. До него – дочь, после – другую. Хан застал только отца младшей сестры. Тот был алкашом, тихим, бесполезным. Но мать не пила. Совсем. Она и без допинга умудрялась погружаться в странное состояние, комфортное для нее, но не для остальных. Они занимали одну, пусть и большую, в двадцать четыре квадрата, комнату и жили буквально друг у друга на головах. Старшая сестра выскочила замуж в семнадцать, лишь бы съехать, но удачно. Нашла себе курсанта Пермского военного училища, у них все сложилось, и умчались молодые на Урал. Пьяница-отчим умер тогда же от цирроза, но Елизавета долго не горевала. Нашла замену ему через пару месяцев. Этот не пил, но распускал руки. Детей не трогал, бил только Лизу, и ей, возможно, это даже нравилось. Но не факт. Мать то ли специально провоцировала своего сожителя, то ли просто не понимала, что творит.

Хан съехал от матери в двадцать, учась на третьем курсе истфака МГУ. Поступил сам – не сказать что легко, но без предварительных занятий на подготовительных курсах или

с педагогами вуза. Киру никто протекции не составлял. Он просто очень хорошо знал те предметы, по которым сдавались вступительные экзамены.

Он зажил отдельно, продолжил учебу и нашел для себя новую страсть – холодное оружие. Когда он покидал ненавистную коммуналку, мама сделала ему подарок, что было неожиданно. Елизавета не всегда на дни рождения детей что-то им преподносила, а тут расщедрилась и вручила красивый складной нож. Да не штамповку, а изделие ручной работы, с гравировкой на немецком.

– Где ты раздобыла это чудо?

– Нашла, – ответила мать.

Кирилл удивился. Лиза ничего не подбирала на улице, даже деньги – боялась сглаза. Поэтому о том, где он в детстве добывал некоторые фантики, Кирилл ей не рассказывал.

– Разбирала старый шкаф и обнаружила этот нож.

– Красивый. И откуда он у нас?

– Принадлежал твоему деду. Я давным-давно его не видела. Думала, пропал.

– Военный трофей? – Об отце Елизаветы он ничего не знал, кроме того, что тот умер молодым. Погиб, сорвавшись со стены строящегося дома – работал каменщиком.

– Нет. Ему этот нож кто-то из ближайших родственников подарил.

– Но тут гравировка на немецком.

– Он и был немцем.

– Мой дед? – на всякий случай переспросил Кир. Мама часто несла чушь, но сейчас пребывала в периоде просветления. И все равно было странно слышать от нее такое. Дед – немец? Но у Елизаветы отчество Львовна, а фамилия Ханова.

– Да, мы это скрывали. Сначала мама от меня, потом я от вас. Времена были такие, что немецкими корнями не загордишься. У деда твоего фамилия была Хайнц, звали Людвигом. Моя мать с ним познакомилась, когда еще шла война. Он был пленным. Как многие, работал на стройке. Она тоже. Там встретили друг друга, влюбились. Пожениться смогли только в 1947-м. Вскоре я появилась. Но мама не хотела носить немецкую фамилию, а мне давать отчество Людвиговна. Поэтому я Ханова Елизавета Львовна. Имена похожи по сути: Людвиг с древнегерманского «знаменитый в бою». А Лев – это царь зверей.

– Мам, ты меня поражаешь, – не смог не высказаться Кир.

– Наверное, я должна была тебе раньше об этом рассказать, но...

– Нет, не информация меня поражает. А твоя эрудированность.

– Я была вундеркиндом, сынок. Ты мое жалкое подобие.

– Ты всю жизнь проработала дворником, – напомнил ей Кир.

О том, что она еще и жила со всякими уродами, от которых рожала детей, он умолчал.

– Когда думаю, голова болит. Я поэтому институт бросила.

– Ты училась в институте? – поистине это был день открытий.

– В том же МГУ, что и ты. Но не могла заниматься, голова раскалывалась. В школе мне учеба легко давалась, там все просто. Я ее в пятнадцать закончила. Но в университете нагрузки другие. Пришлось уйти, и я устроилась дворником. Думала, временно, но мне очень понравилась работа. Она спокойная, умиротворяющая. А еще полезная для общества и моей фигуры. Я четверых родила, а все равно стройная.

– Мам, нас у тебя трое.

– Один умер. Первенец мой, Алешенька. Выпал из окна. Мама тогда еще жива была, но болела, лежала полупарализованная. Я разрывалась между ней и сыном. Недосмотрела за Алешей, и он, полуторогодовалый, забрался на подоконник, выглянул во двор – лето было, окна приоткрыты – да и кувыркнулся. Головенку разбил, и умер мгновенно.

– Это ужасно, – сказал он и подумал, что у матери, видимо, после этого и поехала крыша.

– Да. Я долго отходила пока не поняла, что должна родить другого ребенка, а лучше нескольких. И вскоре на свет появилась твоя старшая сестра. Потом ты и малая. Больше, увы, я не беременела. Но я довольна уже тем, что я подарила жизнь вам троим.

Елизавета легонько похлопала его по плечу. Она не об-

нимала своих чад, не целовала и, казалось, не любила. Кир раньше думал: рожала как кошка, бездумно, а у нее, оказывается, была миссия – наплодить как можно больше детей. Погубила одного ребенка, прими, мир, троих. Это моя дань!

– Почему ты раньше не рассказывала об Алешеньке? – спросил Кир.

– А я только вспомнила о нем. Представляешь?

– Не очень.

– В моей голове происходит что-то странное. Но когда я пытаюсь понять, что именно, она начинает раскалываться. И я гоню все мысли прочь.

– Тебе бы к доктору.

– Нет, он меня запрет в клетке...

– Ты же не буйная. С чего бы?

– ...собственного сознания, – закончила мысль мама. – Посадит на препараты, и тогда я окажусь в аду. После смерти Алешеньки я обращалась к специалисту, и это было худшим решением в моей жизни.

– С тех пор многое изменилось, в том числе лекарства.

– А мне и так хорошо. Точнее, только так. – И она снова ушла в себя.

Потом оказалось, что ее просветление было... затишьем перед сметающей все бурей. Многие умирающие перед тем, как отойти, приходят в сознание, начинают связно разговаривать, с аппетитом кушать, всем интересоваться. Так и Елизавета, прежде чем окончательно сойти с ума, обрела трез-

вость мысли. Но не прошло и двух дней, как произошел рецидив. Мама сначала попыталась поджечь квартиру, чтобы очистить ее, благо огонь не успел разгореться и все пожрать, а затем выбросилась из того же окна, откуда свалился ее сын Алешенька. Насмерть не разбилась, поскольку этаж всего лишь третий и ее череп не так хрупок, как у полуторогдовалого ребенка. Лежала в больнице, потом дома. За ней ухаживала сестра, Кир ей помогал по мере сил. Но не гражданский муж Лизы, что естественно. Баба-инвалид ему была не нужна, и он сбежал. К сожалению или счастью, мучения несостоявшейся самоубийцы и ее детей долго не продлились. Спустя три месяца Елизавета Львовна отошла в мир иной.

* * *

Коллекция Хана началась с того самого ножа деда Людвига Хайнца.

Сначала он собирал все более-менее интересные колюще-режущие предметы. Были и сабли, и старинные отвертки, и шила башмачников. Более того, к нему как-то попала канцелярская кнопка периода Николая Первого, и он ее держал у себя больше года. Но Кирилл понял, что его привлекают именно ножи. Он избавился от всего лишнего и сосредоточился на кортиках, кинжалах, тесаках, выкидушках. Впоследствии он стал еще более избирательным коллекционером. Его перестали интересовать, к примеру, испанский

наваха или непальский кукри, даже персидский корд – эталон изящества. Хан желал обладать только лишь русскими и немецкими ножами. Для него самопальная уркаганская финка тридцатых годов была ценнее шотландского дирка восемнадцатого века.

Но не только коллекционированием Хан занимался, а еще работал журналистом – писал статьи для специализированных журналов. Это и деньги приносило, и позволяло знакомиться с собратьями. К тридцати пяти годам он стал одним из лучших экспертов по холодному оружию. Его стали приглашать для оценки, а также для чтения лекций. В общем, жизнь его удалась. Она была насыщенной, яркой, безбедной. Последнее тоже важно, и не потому, что выросший в нищете мальчик хотел окружить себя роскошью, нет. Кирилл с полным равнодушием относился к богатству. Ездил на старенькой машине, «Фольсвагин гольф», одевался просто, хотя имел пару дорогих костюмов, в которых не стыдно было выйти в люди, в ресторанах ел только по случаю каких-то встреч. Он и квартиру бы не сменил, если бы та однушка не стала тесной для его коллекции. Тогда он переехал в просторную квартиру в престижном ЖК. И опять же не из-за каких-то понтов. Просто территория комплекса надежно охранялась, а это было очень важно для Хана.

Главное, что давали ему деньги – свободу передвижения. Он постоянно перемещался по миру, а это удовольствие недешевое: визы, билеты, приобретенные за несколько часов

до вылета по тройной цене, остановки в приличных отелях, аренда машин и прочее. А еще у Кира всегда была заначка на случай срочного приобретения. У него, естественно, имелись вещи на продажу, но сделка может занять время, а деньги на счете и в кубышке все же надежнее.

Хану повезло еще и в том, что он никогда не мечтал о семье. Встретить ТУ САМУЮ, родить детей? Нет, это не для него. Одному лучше. Хватит, нажился в коммуналке, деля комнату с матерью, отчимами, сестрами. Но к дамам он не был равнодушен. Было время, когда он и их коллекционировал. Гнался сначала за количеством, потом за качеством, пока не понял, что в принципе все женщины одинаковые. Они выглядят и ведут себя по-разному, одна умна, другая не особо, у некоторых из них бурный темперамент, а кто-то спокоен, но нежен, и не все хотят замуж, хотя раньше Хан был уверен в обратном...

И все равно они одинаковые!

Кирилл долго не озвучивал эту свою мысль, пока не встретил женщину, с которой ему было лучше, чем с остальными. Нет, даже не так: только с ней ему было хорошо. И говорить, и заниматься сексом, и молча попивать какао в дождливые дни, и ржать над сюжетами фильмов, каждый из которых казался им глуповатым. Ей было чуть за сорок, а ему лет тридцать шесть. Звали даму Аэлитой, и она писала книги, слюнявые любовные романы. Такие отлично получаются у цинично-ироничных женщин.

– Феминистки тебя бы сейчас порвали на ремни, – хмыкнула Аэлита, услышав признание Кира.

– Поэтому я поделился не с одной из них, а с тобой. Надеюсь, не обидел?

– Нет. Вы тоже одинаковые. Вся разница между вами у нас в голове. Мы вас придумываем. Считай, создаем.

– И ты?

– Мне хватает моих персонажей. По молодости лет я была влюблена, как кошка, обожглась и с тех пор перестала надеяться реальных мужчин нереальными достоинствами. Кстати, вашему брату это очень нравится.

– Мне – нет.

– Поэтому мы с тобой и поладили. Но я не к этому вела. Для тебя нет разницы между нами, потому что ты ни в одну не влюблялся. В ножи – да. Хотя они друг от друга отличаются не больше – у них рукоять да лезвие. Разной формы, но и мы не под копирку сделаны. У всех разное происхождение, история... Тюнинг, в конце концов. А ножом можно как убить или ранить, так и нарезать колбасу к ужину.

– Да, ты права, – осмыслив услышанное, качнул головой Кирилл.

Именно после того диалога он стал подумывать о партнерстве с Аэлитой. Они могли бы не только встречаться на несколько часов, но и проводить вместе пару ночей в неделю. Ездить вместе в отпуск. Отмечать праздники. И, что самое удивительное, завести с Аэлитой кота. Непременно немец-

кого рекса. Давно бы купил, да на кого оставлять животинку, когда уезжаешь? Сестре младшей подкидывать не вариант. Она так и живет в коммуналке, там сердобольные соседи накормят кота дрянью какой-нибудь, а рексы – аллергики. Чужакам же Кир тем более не доверял. Но Аэлите смог бы. Из них вообще получилась бы замечательная пара. Они и внешне хорошо смотрелись: оба были стройными, темноволосыми, сухолицыми, но при этом не похожими друг на друга.

Пока Кирилл прикидывал в уме варианты развития событий, судьба все решила за него. Аэлите подвернулся достойный мужчина, швейцарец. Немолодой, но хорошо выглядящий и бодрый. С собственным домом в Люцерне на берегу одноименного озера, обеспеченный и бездетный. И он сделал Аэлите предложение. Оказалось, она параллельно встречалась и с ним, и с Киром.

– И ты согласилась? – решил уточнить он.

– Естественно. От таких вариантов не отказываются.

– Ты же не меркантильная. Зачем тебе его дом?

– Дома я, может, и не получу. А статус резидента Евросоюза – да. Он мне не помешает. Да и хочется пожить в красивом месте, вдохновиться им. Из моего окна Каширка видна, а из его – озеро Люцерн.

– Что ж... Желаю тебе удачи!

– Спасибо, дорогой. Я тебе напишу. – И, чмокнув Кира на прощание, она упорхнула. Сначала к себе на Каширское шоссе, потом в Швейцарию.

Письмо от нее Кир получил, но всего лишь одно (а больше и не обещали). Аэлита сообщила, что вышла замуж и у нее все хорошо, а потом забыла о нем. Хан же ее до сих пор вспоминал, но без грусти, а тем более злости, с одной лишь теплотой.

* * *

Хан летал в Германию чуть ли не каждый месяц. Если не по делам, то просто погулять, посидеть в кнайпе за кружкой пива и клопсами, полакомиться шварцвальдским тортом, пропитанным ликером «киршвассер», пообщаться с немцами на отвлеченные темы. Кирилл знал язык в совершенстве, говорил почти без акцента и иногда даже думал на немецком. Был период, когда подумывал о переезде в Германию на ПМЖ, тогда-то и стал разыскивать своих родственников. Но Хайнц – распространенная фамилия, а Людвиг – не самое редкое имя. Другими сведениями о немецком дедушке он не располагал, не знал даже, в каком он году родился и где.

Кирилл был упрямым и довел бы дело до конца, если бы не передумал переезжать. Со временем он понял, что в Германию ему хочется навещать и только. Он больше русский, чем немец...

Да и немец ли? Мать могла все выдумать. Эту мысль ему подала младшая сестра Лена.

– Она постоянно сочиняла новые биографии всем нам, –

припомнила она во время очередной встречи.

Кир и Лена на похоронах матери пообещали друг другу навещать ее могилу хотя бы на Вербное воскресенье. Елизавета, объявляющая себя то язычницей, то буддисткой, то атеисткой, питала к этому празднику особый трепет. Именно его отмечали в семье. Дни рождения детей – ерунда, можно забыть об одном или нескольких. Новый год тоже ничем не примечателен, но хорош тем, что детям выдают сладкие подарки и они не просят конфет. Но Вербное воскресенье... Это чудо чудесное! Елизавета ждала его и напоминала членам семьи о том, что праздник грядет. Накануне они все шли драть вербу – в одном из соседних дворов росли ракиты. А в воскресенье Елизавета накрывала на стол, застилала его белой скатертью, пекла капустный пирог, огромный, с противень, варила компот из сухофруктов. И как будто становилась совершенно нормальной.

– Мать была адекватной, когда рассказывала о бабушке-немце, – ответил на заявление сестры Хан.

Они сидели у могилы Елизаветы. Пили компот из сухофруктов, который сварила Лена. Ели пироги с капустой, приобретенные в кондитерской Киром. И оба держали в руках вербу. Сестра нарвала ее в том же дворе, что и раньше, а брат купил у ворот кладбища.

– Ты понимаешь, что наша мать никогда не была адекватной? Лишь иногда казалась таковой...

– Нет, я думаю, что у нее были периоды просветления.

– Знал бы ты, сколько я тешила себя этим в детстве! Особенно в ЭТОТ праздник. Поэтому и ждала его, наслаждалась каждой минутой и надеялась, что завтра мама проснется той же, какой была вчера... Но нет! Она все скопившееся сумасшествие вываливала в понедельник. А все потому, что оно для нее норма. И по каким-то странным причинам в Вербное воскресенье наша Елизавета ставила перед собой задачу быть не собой.

– Но я проверил, она действительно училась в МГУ.

– Знаю, я нашла ее зачетку под ножкой раскладного кресла. Мать подложила ее, чтобы не качалось. Первую сессию она сдала на отлично по всем предметам.

– Вот видишь!

– Но у нее уже тогда начала ехать крыша.

– Болеть голова, – поправил ее Кир.

– Это уже следствие, а причина в отклонениях психики, причем серьезных, иначе она обратилась бы к доктору. Ни один псих не признается в том, что у него расстройство. Он будет искать разные оправдания своему поведению и состоянию.

– Она обращалась после того, как погиб Алешенька, – припомнил слова матери Кирилл.

– Ее, скорее всего, заставили представители органов или соцработники. Она сходила на прием, чтобы от нее отстали, после чего сделала для себя вывод, что ей это не нужно. Врачи ничего не понимают, а назначенные ими лекарства только

вредят ей. Это тоже нормально для психов.

– Ты разбираешься в этом вопросе? – удивился Кир.

Сестра работала продавцом цветов. Устроилась в лавку сразу после школы, не пытаясь никуда поступить, хотя была неглупа.

– Да. Я, можно сказать, эксперт. Прочла кучу литературы по психологии и психиатрии.

– Просто интересовалась вопросом?

– Не просто. – Ленка посмотрела на него с немым вопросом. – То есть ты все еще не врубаешься? – воскликнула она, когда Кир на него не ответил. – Я боюсь стать такой же, как мать! И у меня все шансы на это.

– Не говори ерунды! Ты абсолютно нормальная.

– Пока да. Но у меня тоже болит голова, когда я много думаю или нервничаю. Иногда мне приходят на ум странные идеи. А главное, сумасшествие передается от матери к дочери! Тебе повезло, что ты парень. Мне – нет. И я живу в ожидании, когда мое сознание помутится. Чтобы этого избежать, я не переезжаю, не выхожу замуж, не рожая.

– Но наша старшая сестра сделала ровно то, от чего ты воздерживаешься. И все в порядке.

– Ты не знаешь. Мы не видели ее давным-давно. Она даже на похороны матери не приехала.

– Вот сейчас ты заставляешь меня нервничать. Проявляешь первые признаки паранойи.

– Нет, не проявляю. Уж поверь мне, я в вопросе разбира-

юсь.

– Ни один псих не признается в том, что у него расстройство. Мне кто-то сказал об этом всего пару минут назад. Не напомнишь, кто именно? – и подмигнул, чтобы разрядить обстановку.

– Пока я в норме, Кир, – серьезно проговорила сестра. – Но наша мать, та, которую мы помним, была больной на всю голову. Она говорила мне, что я была зачата на облаке, а мой отец – луч света, что проник в нее. Первое время я думала: это о ком-то другом, а не о том мужике, что пьяным валяется если не дома, то под лавкой у подъезда или на лестничной клетке и которого я называю «папой». Но именно это чмо она видела лучиком. И когда я поняла это, то перестала верить в сказки. Мне и пяти не было тогда.

Тот разговор повлиял на Кира. Он внутренне согласился с доводами сестры и перестал искать своих немецких предков. Но, как это часто бывает, они нашлись неожиданно-негаданно...

Он находился в Берлине. Как всегда, бродил по маленьким антикварным лавочкам. В этот раз забрался в ту часть города, где еще не бывал – отдаленную от центра, но очень живописную. Правда, не вся она была такой. Старинные особнячки с садами сменялись типовым новоделом восьмидесятых годов, а иной раз на глаза попадались и дома барачного типа. Попал Кир в этот эклектичный район случайно: сел не на тот автобус, но когда это понял, не стал выхо-

дить, а доехал до конечной. Погода к прогулкам располагала, и Хан решил пройтись, осмотреться, что-то перекусить, поискать интересные его магазинчики.

В двух, попавшихся на пути, ему ничего не приглянулось. В третьем он приобрел чайное ситечко. Не для себя, ему оно было без надобности, но перепродать такое можно с хорошей выгодой. Почувствовав себя усталым и голодным, Кирилл заглянул в пекарню – нашел ее по запаху. На прилавках лежала всевозможная выпечка. Продавались и напитки: лимонад, вода, холодный чай, но Киру хотелось горячего. Он попросил у продавца, и скорее всего владельца, заварить ему такого. Тот не отказал, и уже через десять минут Хан поглощал обалденные крендели, запивая их чаем. Полноценные столики в пекарне (или булочной?) не были предусмотрены, но у широкого подоконника стояло два высоких стула.

– Не желаете рюмочку шнапса? – поинтересовался продавец... Пекарь-булочник?

– О нет, спасибо.

– А я, с вашего позволения... – Он достал бутылку. – Приболел, покашливаю. А что поможет хворому, как не добрый шнапс?

Он налил себе стопку, на закуску принес кровяной колбасы и принялся ее нарезать.

– Простите, можно посмотреть? – прыгнул со стула Кир и чуть ли не вырвал из рук мужчины нож. Тот напрягся. – Я не псих, не волнуйтесь. Просто у меня есть похожий, он

достался мне от деда.

– Обычная раскладушка, – пожал плечами булочник.

– Не совсем. На рукоятке клеймо фирмы. Но, я как ни старался, не смог найти упоминание о ней.

– Неудивительно! – Он опрокинул в себя шнапс. – То было кустарное производство. Вальтер Элиза Хайнц, которого отлично знал мой отец, вернувшись с Первой мировой, открыл кузню. Работал исключительно с оружием. Переплавлял мечи на орала, так сказать. Из штыков изготавливал серпы, кухонную утварь. Был идейным пацифистом и антифашистом. Погиб в драке с воинствующими националистами в 1937 году. Кузница закрылась. Вдова изделия супруга раздавала друзьям, остальные распродала.

– Моего деда звали Людвиг Хайнц. Он попал в советский плен во время Второй мировой.

– Людовик, – поправил его мужчина. – Таковым было его имя.

– Вы его знали? – ополоумел от радости Хан.

– Нет, конечно. Он ушел на войну, когда я еще не родился. Но слышал о нем от его родственницы, пусть и не кровной. Сейчас скажу вам, кем она приходилась Людовику... – Булочник задумчиво налил себе еще шнапса, но тут же убрал бутылку под прилавок. Пил, в самом деле, для здоровья. – Женой брата. Среднего. Их было трое: Людовик, Томас и Бернارد. Все погибли молодыми. А первый, как я понял, был замучен в концлагере.

– Неправда, – горячо возразил Хан. – Немецких военнопленных в СССР не мучили, а давали им работу и возможность искупить свою вину. Мой дед трудился на стройке каменщиком, но по неосторожности сорвался со стены, которую выкладывал.

– Так вы русский? А я думаю, откуда этот мягкий акцент. Хану показалось, что булочник тут же эмоционально от него отстранился, но Кира это не смутило. Многие немцы, особенно те, что в возрасте, предвзято относились к русским, поэтому Хан часто представлялся литовцем. Не потому, что стыдился своей национальности, просто прибалту было легче сторговаться с немцем, а татарину, к примеру, с турком. Поэтому в те времена, когда его волновали дамаские кинжалы, он отрекомендовывался торговцам жителем Казани Камилем, и прозвище Хан ему очень в этом помогло.

– Жена Томаса еще жива? – спросил он.

– Скончалась давным-давно.

– У нее остались дети, внуки? Мне очень хотелось бы познакомиться с кем-то. Я не так давно узнал о своих немецких корнях. Пытался найти родственников, но безрезультатно.

– Хотите наладить с ними контакты, чтобы эмигрировать? – подозрительно спросил булочник.

– Нет, я доволен жизнью в России. Там у меня сестры, успешный бизнес, отличное жилье, коллеги, друзья. – Насчет последнего он приврал: друзей у Хана не было. – Но это так

неправильно, не знать ничего о своих ближайших родственниках. Я даже фотографии деда не видел – все семейные архивы при пожаре сгинули. Остался только нож.

И старый немец над Кириллом сжалился:

– Фридрих Хайнц, сын Томаса, живет на этой улице.

– На этой? – переспросил он, не поверив своим ушам. Так долго искать родственников, а найти их случайно – это ли не чудо?

– Через три дома. Мой девятый, у него тринадцатый. Фридрих долгие годы покупает у меня сдобу.

– С ума сойти! А что особенно любит?

– Улитки с начинкой из шпината.

Кирилл приобрел их целый пакет и уже собрался уходить, но задержался, чтобы задать еще один вопрос:

– Этот нож продается?

– Парень, – для старика сорокалетний Кир был парнем, какая прелесть, – в этом мире продается все. Вопрос цены.

– Я готов заплатить триста евро.

– Это несерьезно. Ауфидерзейн.

– Четыреста.

– Нет.

– Пятьсот. – Он достал из бумажника фиолетовую купюру. Всегда имел при себе наличность, потому что во многих лавках не принимали карты. И это в двадцать первом веке!

– Тысяча.

– Не многовато для обычной раскладушки?

- Памятная же.
- Да вы ей колбасу стругали.
- От этого она делалась вкуснее. Кстати, к ножу прилагается чехол. Его я тебе подарю.
- Ладно, по рукам. Но наличных у меня больше нет.
- За углом банкомат.
- Может, через терминал переведу? – указал на него Хан.
- Тогда мне придется с пятисот евро налог заплатить, а я не хочу.
- Хорошо, сейчас сниму. А вы пока нож помойте, пожалуйста.

Хан сбегал до банкомата, снял деньги. Когда вернулся в булочную, нож был помыт, вытерт и спрятан в кожаный чехол, чуть потрепанный, но тоже с логотипом.

Выложив на стойку тысячу евро, Кирилл забрал его.

Мужчины обменялись рукопожатиями, и покупатель собрался уходить. Когда он достиг двери, то услышал голос старика:

– Я продал бы и за семьсот.

– А я купил бы за полторы, – через плечо бросил Кирилл.

Он отправился на поиски дома, где проживал его родственник. Двоюродный дядя? Или кем Фридрих ему приходился? Хан не очень разбирался в этом.

Он быстро нашел дом, а квартиру искать не пришлось, потому что старика Кир встретил на улице. Тот орал кому-то вслед проклятия:

– В аду будешь гореть, сукин сын! Это говорю тебе я, Фредди Хайнц!

– Гуттен таг, – поздоровался с ним Кир.

– Пошел на хер, – ответил ему старик на русском, чем поразил до глубины души.

– Простите?

– Что, простите? Думаешь, я по твоей роже не вижу, что ты русиш швайн?

Кир не стал обижаться на то, что его обозвали свиньей, а спокойно возразил:

– Не совсем. Мой дед немец, и его имя Людовик, фамилия Хайнц. Он был братом вашего отца.

– Да мне плевать. Катись отсюда!

– Мы родственники.

– И что из этого? У меня их много. Все твари, даже сын. А тебя я вообще знать не хочу.

– Зря. Может, я вам сгожусь?

Старик фыркнул. Он был без зубных протезов, и слюни полетели в разные стороны.

– Начнем с ваших любимых ракушек со шпинатом?

– А я думаю, чем так вкусно пахнет, – пробормотал Фредди. – Ладно, заходи. Но ненадолго. – и повел его в свою квартиру.

Когда они оказались там, он раскурил трубку. Присосался к ней своими морщинистыми губами, затянулся. Затем взял чашку с кофе, уже остывшим, и стал пить. Гостю не предло-

жил ничего, даже воды.

– Меня зовут Киром, – представился Хан.

– Мне плевать. Лучше скажи, чем ты можешь быть мне полезным? Булки я сам себе куплю, а если не смогу доковылять до пекарни, мне их доставят. – При этом он вынул из пакета ракушку и начал ее мусолить.

– Я коллекционирую ножи, являюсь экспертом в этой области. А ваш дед имел свою кузню.

– У меня и сын этой ерундой страдает. Неприбыльное дело – он весь в долгах. А ты чей, говоришь, внук?

– Людовика.

– Который сгинул в советском плену?

– Не совсем так. Он прожил пусть недолгую, но счастливую жизнь: женился, зачал ребенка.

– Да-да-да. Все мы такие, счастливы, – хмыкнул старик и с наслаждением затянулся. – Табак просто чудо. Раньше не курил вообще, а на старости лет стал получать удовольствие от этого занятия.

– Так вот, я коллекционирую ножи, – напомнил Кир. – И если у вас завалялись какие-то экземпляры, я готов их купить.

– Из «Икеи» подойдут?

– Нет, я имею в виду старые, те, что еще ваш – наш – предок изготовил.

– Да понял, я понял. Нет у меня этого барахла.

– Жаль. Я купил бы за очень приличные деньги.

– Не за тем охотишься. Ножи, что мой дед ковал, товар бросовый. Ты бы лучше искал еврейское золото!

– В нашем роду были евреи?

– Бабка сейчас в гробу перевернулась, – проворчал Фредди. – Она была антисемиткой. Поэтому сына, который укрывал у себя в доме Абрамов да Сарочек с их детишками, прокляла. Именно она настучала на него военной полиции. Думала, евреев заберут и отправят в лагеря, а сына припугнут. Но его расстреляли как врага Третьего рейха.

– А при чем тут золото?

– Последними, кому дядя помогал, были Голдберги. Глава семьи занимался изготовлением эксклюзивной посуды, на которую наносилось сусальное золото. Как считаешь, имелось оно у него? И во что переводилась прибыль в период инфляции? – Кирилл покивал. – А когда ты подаешься в бега, то берешь с собой ценности. Причем те, что много места не занимают. На мебель – плевать. Если есть картины, то они вынимаются из рам и скручиваются. Даже столовое серебро многие переплавляли в плоские слитки. С ножами, вилками намучаешься, а куски металла можно вшить в одежду.

– Это все понятно. Но разве добро Голдбергов не изъяли при аресте?

– Оно не обнаружилось. Значит, было надежно спрятано, скорее всего, дядей. Мы с матушкой, покойницей, считали, что он не просто так помогал евреям. Кто будет рисковать жизнью за идею?

– Многие так делали, – заметил Хан, но старик пропустил его реплику мимо ушей.

– Брал мзду с жидов, точно.

– Это оскорбительное слово. Не употребляйте его, пожалуйста, – Киру оно резануло слух. Хотя к тому, что его русской свиньей обозвали, отнесся спокойно. Парадокс!

– Лично я ничего против евреев не имею. В отличие от бабки, но она дитя своего времени. Тогда антисемитизм был нормой. У нас, в Германии, точно.

– Знаю. Я по образованию историк.

– Еще один потомок Хайнца с бесполезной профессией, – хмыкнул старик.

– А вы кем работали, можно узнать?

– Снабженцем. Поставлял на социалистические стройки все: от техники до питьевой воды.

– Хорошо зарабатывали?

– Прекрасно.

– Но живете в подвале, который вам от матери достался, – не смог смолчать Кирилл.

– Думал меня подколоть? – закашлялся Фредди, или, как оказалось, рассмеялся. – Но я обожаю это место. Я тут вырос, и в этом подвале мне даже воздух, чуть спертый, нравится. А что касается заработка... Мы жили в ГДР, считай, при социализме. Богатых у нас, как и у вас, не было, поэтому я тратил деньги не считая, жил на полную катушку. А сейчас государство платит мне хорошую пенсию. Выходит, все

я делал правильно.

– Наверное. Но давайте вернемся к вашему дяде. Он, как вы с матушкой думали, наживался на евреях, которых у себя укрывал...

– Припрятал он где-то золотишко, но сам не смог им воспользоваться – расстреляли его. Так что где-то оно лежит, ждет, кому в руки попасть.

– Если честно, золото меня мало волнует.

– Ты дурак? Что может быть ценнее?

– Для меня – это. – Кир достал из кармана нож.

– Я такой у Георга-пекаря видел.

– У него я его и купил.

– За сколько?

– Тысячу евро.

– Тратишь огромные деньги на ерунду, а золото тебя не волнует? Чудак ты! – И, допив кофе, Фредди встал со стула. – Пойду воздухом подышу.

Это он так Кира выпроваживал, но тот и сам уже собирался уходить. Толку от старика ноль, а негатив от него прет такой, что кожа зудит.

Они вышли из подвала. Хан с наслаждением вдохнул прохладный воздух. В квартире Хайнца было очень душно, жарко и воняло табаком. Кофе пах тоже, и весьма приятно, но его аромат не перебивал остальные, в том числе старости. Люди в возрасте источают его, не все, но многие. Может, потому, что не часто моются, им тяжело, стирают одежду, за-

бывают прополоскать рот после еды? Фридрих выглядел не очень опрятно, но в доме у него было чисто, хоть и не свежо.

Старик Хайнц присел на старый стул возле лестницы, ведущей в его подвал. Явно поставил для себя, потому что лавок поблизости не было. Трубку он не докурил и, попыхивая ею, стал смотреть на небо.

– Дождь скоро будет, – сказал он. – А ты без зонта.

Это значило: вали скорее, надоел.

– Ауфидерзейн, – попрощался с Фридрихом Кир.

Тот только пыхнул в него дымом.

Кир развернулся, чтобы уйти, как услышал кашель. Старику стало плохо? В таком возрасте каждый день может стать последним. А Фредди еще курит и пьет крепчайший кофе. Но, обернувшись, Хан понял, что тот всего лишь подавился дымом. И произошло это потому, что Фредди увидел старика, что шел в его направлении. Маленький, худой, похожий на лесовичка из сказок Александра Роу, только без бороды.

– А я надеялся, что ты сдох, – прокаркал Фредди, прокашлявшись, но еще не восстановив дыхание.

– Только после тебя! – ответил «лесовичок».

– Не дождешься. Я еще на твою могилу плюну.

Потускневшие глаза стариков зажглись и стали метать молнии. Эти двое люто друг друга ненавидели, и это было очевидно.

– А ты чего встал? – перекинулся на Кира Фредди. – Тут тебе не представление. Иди отсюда!

Пришлось ретироваться.

Отойдя от дома метров на пятнадцать, Хан обернулся и увидел, как старики спускаются в подвал, о чем-то ожесточенно споря.

* * *

Сидя в ресторане своего отеля за ужином, Кирилл все думал о Фридрихе Хайнце. Общение с ним не принесло удовольствия, но помогло получить информацию, пусть и субъективную. Теперь Хан знал о брате своего деда, антифашисте. В то, что он прятал евреев у себя в доме, желая за их счет обогатиться, он не верил. Желчный старик Хайнц оговорит и святого. Все у него плохие, в том числе собственный сын.

Но у Людовика был еще брат, и о нем Кирилл не расспросил, не выразил желания посмотреть семейные фото. Наверняка какие-то сохранились. По доброте душевной Фредди, конечно, ничего не сделает. Но если ему предложить денег, вполне возможно приложит небольшое усилие.

Хан быстро доел зауэркраут¹, а рульку до конца не осилил, слишком была жирна. Под пиво она бы пошла неплохо, но ему завтра вставать рано, чтобы ехать в аэропорт, а он уже кружку выпил. На сегодня хватит!

Из ресторана он вышел в восемь и сразу направился к

¹ Традиционная квашеная капуста.

остановке. Теперь он знал, на какой автобус сесть, чтобы добраться до района, в котором жили его предки. Кир решил съездить туда еще раз, и, если старик Фредди не спит, поговорить с ним. Не откроет – не страшно. Возьмет такси и вернется в отель и в десять уже отправится на боковую.

Он доехал до Альтен-штрассе без приключений за сорок минут. Еще двадцать потребовалось на то, чтобы дойти до Краузе, тринадцать. В центре Берлина кипела жизнь, а тут было очень тихо, спокойно и малоллюдно. Киру всего пара человек встретила по пути. Все вернулись с работы и засели по домам. Это было свойственно обитателям спальных районов европейских городов. Они если гуляли вечерами, то только в праздники, церковные или национальные. А семейные отмечали на заднем дворе, жаря барбекю, или в маленьких заведениях на своей же улице.

Кир подходил к нужному дому, когда увидел человека, третьего за эти двадцать минут. Первые двое выгуливали собак, а этот стремительно шел. На нем был дождевик с капюшоном, огромный и серебристый – просто плащ-палатка из полиэтилена. Такой выручит, если льет как из ведра, а погода была всего лишь влажной. Да, иногда крапало, но Кир даже зонт ни разу не раскрыл, хоть и взял его с собой.

«Космический охотник» пронесся мимо Хана. Их разделяло три метра минимум, поэтому он не смог разглядеть ни лица, ни фигуры. Это и неудивительно, ведь все скрывал дождевик. Но Кир уловил запах. Его донес порыв ветра. От

прохожего пахло кофе и табаком...

Тем кофе и табаком, что пил и курил Фредди Хайнц!

Значит, человек в плащ-палатке из непрозрачного серебристого полиэтилена только что вышел из его подвала. Получается, старик еще не спит.

Хан подошел к лестнице, ведущей вниз, приостановился и обернулся. Ему показалось, что то же самое сделал странный прохожий. Но было уже далеко и довольно темно, поэтому Кирилл мог ошибаться. Он спустился, постучал в дверь. Ему не открыли, но Хан решил проявить настойчивость. Старик явно не спит. Тут, на пяточке у двери, пахнет табаком и кофе, а еще прогорающими дровами, значит, из квартиры недавно выходили. И кто, ему понятно. Космический охотник! А дождевик он напялил, потому что с навеса капало, и тот решил, что дождь.

Кирилл стукнул посильнее, кулаком. Дверь поехала. Она оказалась незапертой.

Переступив через порог, Хан громко позвал Хайнца.

Тот не ответил, но из гостиной раздался треск. Кир сделал несколько шагов вперед, остановился у проема. В камине ярко вспыхнуло одно из поленьев. Оно и треснуло, а свет пламени озарил комнату, и Кир увидел старика Хайнца. Он лежал на диване под пледом. И смотрел на...

Хана?

Ему так показалось. А потом он понял, что Фредди никого не видит. Глаза его пусты.

Старик мертв.

Кирилл стал пятиться. Тут полено снова треснуло, над ним взметнулись искры. Красные блики упали на лицо покойника, и Киру почудилось, что его глаза загораются.

Кирилл Ханов не боялся покойников, но этот навел на него ужас.

А еще жара в помещении стала невыносимой, появились какие-то посторонние запахи. Просто гари, скорее всего, но Кир будто уловил запах серы.

«Я будто в аду!» – мысленно возопил он и бросился вон.

Глава 4

Элизабет, или, как все ее называли, Бетти, не переставала удивляться тому, что нравится мужчинам. Рост – метр с кепок. Фигура хоть и неплохая, но немодельная. Ножки, ручки короткие, пухленькие. Нос вздернут, глаза узковаты, рот широковат. А золотисто-русые волосы пусть и густы, но лежат так, как им вздумается. На фотографиях Бетти получалась плохо, и, кто видел ее сначала на них, считал дурнушкой. Но стоило человеку познакомиться с ней лично, как все менялось. Ею очаровывались мгновенно. Бетти всего лишь улыбалась и уже становилась привлекательнее. А все из-за ямочек на розовых щечках. Но не только они Бетти нравились. Еще глаза, пусть небольшие, но миндалевидные и изумрудно-зеленые, играющие от смешинки. Элизабет была хохотушкой, и они часто горели, на щечках играли ямочки, рот растягивался до ушей, и были видны пусть неидеальные по форме, но крепкие белые зубы, а непослушная челка падала на лоб, предавая девушке залихватский вид. У Бетти в детстве было прозвище Гаечка. Так звали очаровательную бурдучиху из диснеевского мультсериала «Чип и Дейл спешат на помощь». Все его смотрели, а мальчикам особенно нравилась Гаечка.

Бетти родилась и выросла в Берлине. По окончании школы уехала в Лондон, чтобы получить образование. Ее мама

была чистокровной немкой, а отец наполовину англичанином. В Рочестере обитала его многочисленная родня, и Бетти сначала жила у тетки. Но, устав мотаться каждый день на поезде на учебу, нашла подработку и сняла комнату в квартире рядом с колледжем. Вместе с ней в ней обитали еще три человека, два таких же студента и один начинающий актер, он же официант Парис. Наполовину грек, на четверть турок, на оставшуюся часть ирландец. Более гремучей смеси кровей и не придумаешь! Парис уродился писаным красавцем с необузданным нравом. Правильные черты лица, смоляные кудри, пронзительные голубые глаза, унаследованные от ирландского деда, завораживали всех, в том числе кастинг-директоров и продюсеров. Париса часто звали на съемки, но дальше эпизодов дело не шло. Режиссеры терпеть не могли таких, как он, никому не известных, но с гонором. Его бы и в официантах не держали, если бы рестораном, где он работал, не владел дядя.

С Парисом Бетти познала прелести первой взрослой любви. Их отношения продлились почти год и закончились по ее инициативе. Элизабет, обладающая легким, приятным нравом, все это время умудрялась гасить конфликты. Не все, это было невозможно, но многие. Она умиротворяла своего бойфренда, и ей даже иногда казалось, что он меняется, становится спокойнее, рассудительнее, взрослее, наконец. Но, как Парис ни старался, у него не получалось. Причем между собой они редко ругались, то есть к ней у него претензий не бы-

ло. Бывало, ревновал, но Бетти давала к этому мало поводов. Но с остальным миром Парис готов был воевать, как истинный потомок янычар. Последней каплей стал скандал, который он закатил на семейном ужине в Рочестере. Бойфренду показалось, что английские родственники Бетти смотрят на него свысока. Парис сначала дал своему внутреннему ирландцу хорошенько выпить и поймать кураж, затем включил грека и напомнил о том, что, если бы не его древние предки, не знали бы британские снобы, что такое философия, геометрия, демократия и олимпиада.

Бетти увела Париса в комнату, с трудом уложила, а поутру сказала ему: «Между нами все кончено». И столько было решимости в ее голосе и взгляде, что парень не стал спорить.

Они жили под одной крышей еще месяц, и у каждого были мысли о том, чтобы возобновить отношения, но оба их гнали. Пару раз не сдержались: один – поцеловались жарко, второй – занялись сексом на балконе, роняя горшки с геранью и лейки. Хорошо, что вскоре Парису предложили роль – настоящую, со словами. Нашелся режиссер, не английский, а индийский, которому понадобился актер с необузданным нравом. Парис улетел в Болливуд и сделал там головокружительную карьеру.

Но и Бетти в Лондоне не осталась. По окончании учебы она вернулась в Берлин, и не только потому, что скучала по родному городу. Еще она бежала от любовных воспоминаний, которые были связаны со столицей Соединенного Ко-

ролевства. Едва отойдя от разрыва с Парисом, Бетти начала встречаться с Дэвидом, чистокровным бритишем. Он был старше на девять лет, имел престижную работу и собственную квартиру. Вел себя как истинный джентльмен и так же выглядел: костюм, прическа, стильные, но не бросающиеся в глаза, аксессуары. Дэвид тоже был высоким светлоглазым брюнетом, как и Парис, но они друг от друга кардинально отличались. У одного темные пряди были аккуратно уложены, у другого похожи на буйные заросли. В глазах бывшего – бушующий океан, у настоящего – спокойные воды тихой морской гавани. Оба носили одежду одного размера, но тела выглядели по-разному, и Бетти привлекало это: похожая непохожесть избранников. Ей одинаково нравились океан и море, но первый уносил ее, болтал, кидал на камни, а второй успокаивал, убаюкивал, нежил. Хотелось, чтобы Дэвид внес в ее жизнь то умиротворение, которого так не хватало.

И первое время между ним и Бетти царила полная гармония. Они встречались два-три раза в неделю, ходили в различные места: в рестораны, на выставки, на скачки. После занимались неспешным, но весьма изобретательным сексом. Бетти оставалась у Дэвида до утра, восхищаясь порядком в доме и тем, что ее избранник не храпит, не пускает газы, не закидывает на нее ноги, не бродит по дому абсолютно голым, почесывая волосатую задницу. Впрочем, на его заднице волосы не росли, а те, что пробивались на груди, Дэвид удалял воском.

Проблемы начались, когда они стали жить вместе. И не потому, что Бетти нарушала уставленный порядок в доме или транжирила деньги (из-за этого у Дэвида не ладилось с предыдущими пассиями). Она сама была аккуратисткой и экономщицей: идеальная, почти казарменная чистота, все вещи на своих местах, а траты только разумные. Дэвиду категорически не нравились друзья Бетти. Он считал их шалопами, намекал, что они тянут девушку вниз. Да, многие из них достались ей «в наследство» от Париса. Танцовщики, актеры, бармены, они любили потусить, могли в любой момент куда-то сорваться, но Бетти редко с ними виделась. А когда встречалась, отдыхала душой, но в отрыв не уходила. Тех же, с кем она училась и когда-то жила, никак нельзя было назвать раздолбаями. Все не только получали образование, но и работали, а что иногда совершали безумные выходки, так это по молодости. Когда еще чудить, как не в двадцать?

– Я в их возрасте таким не был, – возражал Дэвид, и его слова подтверждали люди из близкого окружения. – И ты совсем другая. В их стае ты белая ворона, и я не понимаю, зачем ты к ней прибилась.

Но Бетти не желала отказываться от друзей, а запретить ей с ними встречаться Дэвид не мог. А вот всем своим видом показывать недовольство – запросто. А еще демонстрировать превосходство, если Бетти брала его с собой. И это ее смущало так же, как скандалы Париса – что с тем было неловко в гости ходить, что с этим, не расслабишься. Оба

вели себя адекватно только в привычной среде. Дэвид был душкой с ее родственниками, а Парис – с общими друзьями, многих из которых он, по сути, ей навязал.

По итогу получалось, что Бетти жила с оглядкой на своих партнеров, бывшего и настоящего, подстраивалась под них. А так хотелось быть собой!

Но Элизабет гнала эти мысли прочь. Она же не Бриджит Джонс, героиня книги и фильма, которая умудрялась высасывать проблемы из пальца. Да, Дэвид неидеален, но чертовски хорош: образован, успешен, эрудирован, красив, наконец. И она его любит.

* * *

Она доучивалась и думала о том, куда устроиться на работу по окончании колледжа. Дэвид, естественно, давал ей советы и не мог взять в толк, почему Бетти к ним не прислушивается. Он старше, опытнее и лучше знает, как будет лучше для нее.

Хоть кто-то знал...

А Бетти металась. Ей хотелось то того, то этого. И это она, девушка, привыкшая ставить перед собой четкие цели! И на Париса не свалишь. Он, может, и повлиял на нее дурно (так считал Дэвид), но сам точно знал, чего хочет от жизни, и шел к своей мечте.

Она хотела было послушать Дэвида и устроиться в одно из

рекомендованных им мест, тем более он готов был помочь с трудоустройством. Не понравится – уволюсь, решила она, о чем и сказала любимому.

– Нет, так не пойдет, моя дорогая, – покачал головой Дэвид. – Не получится – уйдешь, причем не по своей воле. Тебя уволят, если не будешь справляться. Но коль я за тебя поручусь, будь любезна работать.

– Но если у меня душа не ляжет к рекламному бизнесу?

Он собирался пристроить ее в крупное агентство.

– Главное – старание. Если отдаешься делу целиком, оно у тебя получается. И наоборот, когда получается, к делу лежит душа.

– Какая ерунда! Я отлично справлялась с обязанностями официантки, но мне эта работа не нравилась. А до этого я почту разносила, еще в Берлине, и у меня это тоже получалось. А уж как прекрасно я отрывала корешки билетов в кинотеатре! Как по линейке...

– Дорогая, ты начинаешь взрослую жизнь, тут все иначе. Я когда-то красил ограды и стволы тополей, а теперь я финансист, и не в восторге от своей работы. Она муторная, утомительная, нервная. Но я с успехом ее выполняю, поэтому доволен жизнью.

– А кем ты хотел стать, когда был маленьким?

– Паромщиком, – фыркнул Дэвид. – Хотел перевозить людей с одного берега Темзы на другой.

– Это здорово!

– Нет, не здорово. Паромщики едва сводят концы с концами, а я процветаю. У меня счет в банке, машина, квартира... Ты! – Он больно ткнул ее пальцем в грудь. – Только не говори, что встречалась бы с тем, кто пропах соляжкой, сыростью и спит, где придется! В лучшем случае на койке в хостеле или в квартире, арендованной вскладчину.

– Не хочется напоминать, но... Парис пах гирсом² и снимал комнату вместе со студентами.

– Не хочется напоминать, но... Ты с ним рассталась!

– Но не поэтому.

– И поэтому тоже.

В итоге она согласилась на стажировку в агентстве. Пока Бетти доучивалась, это ни к чему не обязывало: работа принеси-подай, неполный день, минимальная оплата. Но Дэвид считал, что она должна ко всему приглядываться, учиться, схватывать на лету и выпрыгивать из трусов, чтобы отлично себя зарекомендовать. Бетти не особо старалась, но у нее само собой все получалось. Она была идеальным исполнителем, и ее хвалили, что не могло не радовать Дэвида.

Его – но не ее. Бетти было все равно.

Она не понимала, что с ней, маялась. Ей бы наслаждаться жизнью: у нее прекрасный мужчина, надежный, есть перспектива трудоустройства, отменное здоровье, а счастья нет... Почему?

Ответ был один: Бетти не нашла себя. Не поняла, в чем

² Греческий аналог шаурмы.

оно, ее счастье. Может, потому, что очень рано вступила в серьезные отношения? Да еще сразу сиганула из одних в другие! Никто из ее знакомых девушек-ровесниц так не поступал. Ни в Германии, ни в Англии не принято в двадцать начинать взрослую жизнь. И она этого не планировала, как-то само получилось...

– Давай поживем отдельно? – предложила Бетти Дэвиду.

– Не понял?

Да она и сама не поняла! Вроде бы ничего не предвещало беды. Сидели в ресторане, ели отбивные: она из свинины, он из индейки. Дэвид отметил, что его блюдо полезнее – мясо постнее и гарнир безуглеводный – брокколи, а не картошечка, как у Бетти. И так ей стало тошно от всего... Не от слов, нет. Дэвид постоянно говорил о том, что он выбирает правильное, но не призывал следовать его примеру. Не от ресторана, который никогда не нравился Бетти, но считался одним из лучших в их районе, поэтому они в нем и ужинали. Не от скрипичной музыки, монотонной, усыпляющей. От всего вместе! Бетти хотелось завывать от тоски. Или схватить тарелку Дэвида, на которой еще оставалась его правильная еда, и разбить о чью-то голову: его самого, официанта, музыканта, бабы за соседним столиком, что пережевывала свой шпинат положенные тридцать два раза и вела счет вслух.

Но Бэтти вместо этого предложила Дэвиду пожить отдельно.

– Мы слишком быстро съехались, – выдала она после его

удивленной реплики: «Не понял?» – Я не успела дозреть до этого. Мы встречались всего четыре месяца, а на пятый я уже перебралась к тебе.

– Тебя никто не тащил насильно, – справившись с удивлением, возразил Дэвид. – Я предложил, ты согласилась.

– Да, но...

Он жестом заставил ее замолчать.

– Мы полюбили друг друга, так?

– Так, – не стала возражать Бетти.

– И хотели проводить вместе как можно больше времени? – Она кивнула. – Но мы жили на разных концах города. Причем ты в помойке.

– Я бы не стала так называть нашу квартиру...

– В помойке, – настоял на своем Дэвид. – Там убиралась только ты, друзья же создавали бардак. И это касается не только обстановки: они водили сомнительных гостей. У тебя, как я помню, пропала золотая цепочка.

– Я могла ее потерять.

– Или ее украли ваши гости. В общем, все способствовало тому, чтобы мы съехались: и быт, и чувства. Что не так?

И не ответишь, потому что все вроде бы ТАК.

– Почему молчишь? – не дал ей передохнуть Дэвид.

– Не знаю, что сказать.

– Но ты выдала фразу «нам нужно пожить отдельно», так обоснуй, почему? Ты же готовилась, не так ли?

– Не готовилась, – беспомощно пробормотала она. – Меня

озарило минуту назад.

– Разлюбила меня? Изменила? Если да, я пойму, но тогда мы расстаемся. Нам не по пути? Принимаю. И желаю всего хорошего с другим.

– Я просто хочу выдохнуть. Как самурай перед боем.

– С кем сражаться собралась? – Он усмехнулся, но грустно и доел брокколи, затем глотнул вина.

– Ты не правильно понял метафору.

– Или ты плохо объяснила?

– Вот опять ты на меня давишь.

– Разве?

– Я прошу паузы – небольшой. Мне нужно подумать, понять себя. Ты навязываешь мне определенный образ жизни, настоящий и будущий, но я пока не знаю, нравится ли он мне.

– С раздолбаями, типа Париса и его дружков, тебе было лучше?

– Нет, нет и еще раз нет. Но и в тех условиях, что я существую сейчас, мне некомфортно. Я хочу понять, что сделает нас обоих счастливыми.

– И для этого мы должны разъехаться?

– Мне кажется, это лучший вариант. Я могу не вывозить вещи, просто собрать сумку с барахлишком и переехать к тетке. Или к друзьям. – Она смотрела на Дэвида, и по его бесстрастному лицу ничего не могла понять, поэтому стрекотала дальше: – А через месяц мы с тобой встретимся и

обменяемся впечатлениями: как нам друг без друга и что за выводы мы сделали в разлуке. Давай именно тут? В этом ресторане, который мне не нравится, да и тебе тоже, но он престижен и находится недалеко от твоего дома...

Он долго молчал, больше минуты. Смотрел на фреску, на которой была изображена охота на лис, пил воду, потому что вино закончилось. И наконец, сказал:

– Если уйдешь, то пути назад не будет.

– Но я не уйду... – Бетти порывисто подалась вперед, дыша на Дэвида чесночком, добавленным к картошке. – Я оставляю за собой право вернуться, а за тобой – позвать меня. Если поймешь, что я настолько твоя, что ты готов дать мне послабление...

– Нет, дорогая, так не пойдет. – Он отстранился и демонстративно прыснул себе в рот освежителем дыхания. – Уходя – уходи. Или оставайся. Я все забуду, и мы будем жить счастливо. Сначала в квартире, затем в доме, в окружении детей, королевских корги и наведывающихся к нам по праздникам родственников. У меня такая установка – жить счастливо. С тобой или без тебя.

– Скорее, последнее. Потому что я люблю кошек.

Это была не лучшая прощальная фраза, но уж какая родилась.

Бетти ушла от Дэвида. Жила у друзей-шалопаяев. дорабатывала в агентстве. А получив диплом, вернулась в Берлин.

Деда Клауса она видела редко, быть может, всего раз десять. Он жил затворником, и они его не на каждое Рождество навещали. Бетти помнила Клауса худым, невысоким, седым и ушастым. Причем таким он был на протяжении всех лет, что она его знала. Да, волосы белели больше, тело становилось суше, но, в общем, он не сильно менялся. В их семье он считался чудаком. Особенно его не жаловали английские родственники. А Бетти дед нравился. Она бывала бы у него чаще, да кто отпустит? К этому чудаку-затворнику?

Кто бы мог подумать, что именно к нему она переедет, вернувшись из Англии! Не сразу, но через полгода. Бетти осудили все родственники, в том числе немецкая мама, за то, что она оставила Дэвида. Об английских и речи нет! Сожгли бы на центральной площади, случись это на несколько столетий ранее. ТАКИМИ мужчинами не разбрасываются! А после окончания престижного колледжа не устраиваются на работу в тату-салон администратором. И ладно бы Бетти сама любила нательные рисунки! Но на ней – ни одного. И нет пирсинга, только уши проколоты. Зачем было столько учиться на рекламщика, если для тебя нормальная работа – администратор тату-салона?

А Бетти она нравилась. Как и люди, что приходили набить себе что-то или проколоть. Она видела, что за каждым их

решением стоит история: одна, если модификация первая, и совсем другая – если десятая. Но обе они интересны.

К деду Клаусу ее послала мама, когда он перестал отвечать на звонки. Жил он в той части Берлина, что когда-то была социалистической, то есть относилась к ГДР. Далеко от центра города, но зато на очень живописной Альтен-штрассе, застроенной старинными особнячками, кажется, в конце восемнадцатого века. Тогда это был тихий пригород с несколькими улочками и ратушей, но Берлин разросся и поглотил подобные уголки.

Бетти приехала к деду после работы. Был уже поздний вечер, но в доме горел свет в одной комнате на втором этаже. Бетти позвонила. Ей не открыли. Она подергала дверь – заперта. Что делать? Ретироваться или вызвать полицию? Представители власти взломают замок и войдут в дом.

Она склонялась ко второму варианту до тех пор, пока не увидела, что ветка росшего во дворе клена чуть ли не упирается в светящееся окно. Девушкой она была спортивной, поэтому забраться по дереву для Бетти не составляло труда. Так она и сделала. Прыгнула на разветвление клена, дальше на толстый сук, и вот уже та самая ветка.

Заглянув в окно, Бетти увидела комнату. В ней она до этого не бывала: дед принимал гостей в гостиной на первом этаже, и там была современная мебель, очень простая, типовая. В спальне же стояла старинная кровать, по обе стороны от нее тумбочки, у изножья пуфик. Имелся комод и шкафчик

на гнутых ножках, точно такой же, как в диснеевских мультиках. Казалось, если зазвучит музыка, он оживет и пустится в пляс. Спальня была не мужской и даже не женской – девичьей. Но мама в этом доме не росла. Дед переехал в него много позже, когда уже не стало его жены, а дочка благополучно вышла замуж, родила Бетти и ее брата Майкла. Почему он переехал именно в этот дом, очень дорогой, большой и старинный, да на престижной улице со своей историей? Да, прежнее жилье он оставил потомкам, но мог бы обосноваться в более скромном месте. Зачем старику дом на сто пятьдесят квадратов? И ладно бы он брал к себе внуков, так нет. Встречал приветливо, но, казалось, только и ждал, когда они вместе с родителями уедут. А еще дед постоянно слушал пластинки. Ставил их и мысленно уносился куда-то далеко-далеко. В тот момент, когда Бетти забралась на дерево и заглянула в окно, играл патефон, стоящий на комод. Она видела, как крутится пластинка, и слышала, пусть и плохо, голос певицы, чуть хрипловатый, чувственный, ленивый. Как будто она записывалась не на студии, а в прокуренном баре, а сама была чуть хмельна и в зубах зажимала сигарету.

– Девочка, чего тебе надо? – услышала Бетти голос и едва не свалилась с ветки.

– А?

– Ты кто такая? – к ней обращался старик, вынырнувший из темноты соседнего приоткрытого окна.

– Я – Элизабет. Бетти. Твоя внучка, – на всякий случай

напомнила она, узнав деда. – Ты на звонки не отвечаешь. Мама волнуется. Прислала поведать тебя.

– Ты была другой, – отметил тот, придирчиво осмотрев ее.
– Постриглась.

Она на самом деле откромсала волосы, повинувшись дурацкому порыву. С удлиненными ей было лучше, но теперь она носила супермодное и странное каре с асимметрией.

– Волосы? – фыркнул дед. – При чем тут они? Я не об этом.

– А о чем?

– Ты стала взрослой.

– Да, мне почти двадцать два.

– И опять ты меня не поняла.

– Давай ты мне объяснишь, что имеешь в виду, когда в дом вступишь? Из меня не самый лучший гимнаст.

– У тебя довольно хорошо получилось забраться и удержаться, – улыбнулся дед. – Вся в меня.

– В смысле?

– Мальчишкой я лазил по этому же клену. Кстати, одна ветка подо мной обломилась как-то, и я рухнул на землю. Но сейчас дерево старше, крепче, мудрее, оно тебя не сбросит. Спускайся, я открою.

Бетти так и сделала.

– Почему ты не отвечаешь на звонки? – спросила она, как только переступила порог.

– А зачем? Мы разные, друг друга не понимаем. О чем же

говорить, девочка?

– Мама волнуется. Вдруг с тобой что-то случилось...

– Если умру, ей сообщат. – Он пожал костистыми плечами и ввел внучку в гостиную. – Голодная? – спросил Клаус.

– Если честно, да. За день только бургер съела.

– Сухомятка вредна. Ты знала об этом?

Бетти скорчила неопределенную мину. Все сейчас питались так, на ходу: кто хот-догами, кто пиццей перебивался, кто теми же бургерами. Сlopал за десять минут и опять за дело.

– Сейчас я накормлю тебя супом. Очень вкусным.

– Ты про айнтопф? – на всякий случай поинтересовалась Бетти. Этот традиционный немецкий суп казался ей слишком жирным и густым.

– Щами.

– Чем? – переспросила она.

– С русской кухней знакома?

– Слышала про... – Бетти задумалась на секунду. – ХА-ЛАДЭС?

– Холодец, – поправил ее дед.

– Говорят, жуткая гадость.

– Кто так говорит, просто не ел его с хреном и черным хлебом, да под водочку. Я включил плиту, буду тебе ЩИ греть. А пока они подходят, пластинку сменю. – И дед зашагал к лестнице вверх.

У Клауса была легкая походка для его возраста. Казалось,

он чувствует себя лучше, чем выглядит. Посмотришь – дряхлый дед, весь сморщенный, из оттопыренных ушей седые волосы торчат. А движения энергичные, мимика живая, голос чистый, без хрипа или покашливания.

Через пару минут дед спустился под новую песню. Ее тоже исполняла женщина, но совсем другая: не томная и хриплая, с сигаретой в зубах, а задорная, простая. Голос звенит, и поет артистка по-русски.

– Кто это? – спросила Бетти.

– Это Лидия Русланова, – ответил дед. – Сталин ее в лагерь сослал.

Она знала, о чем он. Слышала и о советском диктаторе, и о лагере, куда отправлялись неугодные. Певица с пронзительным голосом, Лидия, попала в немилость Сталину (или не она, а ее муж), за что была наказана ссылкой.

– Хочешь выпить? – спросил вдруг дед.

– Нет, спасибо.

– Чуть-чуть? Под суп.

– Ладно, давай.

Бетти думала, он достанет водку. Вся обстановка к этому располагала: русские песни, еда. Но он подал киршвассер. Эта крепкая, густая, сладкая настойка крайне редко употреблялась немцами нового поколения. «Столичную» они и то чаще пили. Но предпочитали пиво.

– Когда-то давно, – начал дед, разлив настойку по стопкам, – я напился этой дрянью. До ПОРОСЯЧЬЕГО ВИЗГА.

– До чего? – переспросила Бетти. Слова были ей незнакомы.

– Это по-русски, – ответил ей Клаус и изобразил свинью, которая визжит. – Понимаешь? – Она кивнула. – Мне было лет двенадцать-тринадцать, точно не помню. Девочка, в которую я был влюблен, стянула бутылку у родителей, и мы распили ее. Потом спали на лавках. – Он указал за окно.

– Ты тут жил в детстве? – удивилась Бетти.

– Не я. Она.

– И как ее звали?

– Либе. – Дед поднял стопку и, чокнувшись со внучкой, выпил настойку. А потом направился к плите, чтобы снять с нее закипевший суп. – Она любовь всей моей жизни.

– Не бабушка?

– Маргарет была хорошей женщиной. Я уважал ее, но чувств не было. Как и у тебя к твоему...

– Которому моему? – решила уточнить Бетти.

– Мать твоя говорила, что ты живешь с каким-то английским снобом. И очень расстраивалась из-за того, что вы расстались.

– Я любила Дэвида, – не согласилась со стариком Бетти. – И того, с кем встречалась до него.

Дед хмыкнул и качнул головой.

– Нет, я не вру. Любила и того, и другого.

– Девочка моя, когда любишь, не расстаешься. – Клаус похлопал ее по плечу и поставил перед внучкой тарелку супа.

На вид он ей не понравился, особенно плавающий на поверхности укроп. – И этому не мешают никакие обстоятельства. Вообще!

– Но ты же со своей Либе расстался?

– Нет, она со мной. Даже если ее нет рядом.

– Не понимаю, о чем ты.

– Ее зовут ЛЮБОВЬ.

– Как? – Очень голодная Бетти окунула ложку в ЩИ, поднесла ее ко рту, понюхала. Вроде непротивно. Овощи, мясо. Если бы не растреклятый укроп...

– Либе это по-русски Любовь. Так вот, она всегда со мной. И не только тут. – Дед хлопнул себя по груди, там, где сердце. – Она во всем...

– Ты о супе? О музыке? – Ни то, ни другое Бетти не понравилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.